

На правах рукописи

ЛОТКИН Илья Викторович

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ,
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ
ПРИБАЛТИЙСКИХ ПОСЕЛЕНЦЕВ В СИБИРИ
(1920-1940 гг.)**

Специальность 07.00.02 – отечественная история

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

Тюмень – 2012

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Омский государственный университет путей сообщения»

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Амелин Веналий Владимирович

доктор исторических наук, профессор
Вибе Петр Петрович

доктор исторических наук
Ярков Александр Павлович

Ведущая организация: Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН

Защита состоится 27 апреля 2012 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.274.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при ФГБОУ «Тюменский государственный университет» по адресу: 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, 23, ауд. 516.

С диссертацией можно ознакомиться в Информационно-библиотечном центре ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет».

Автореферат разослан 26 марта 2012 г.

*Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук, профессор*

З.Н. Сокова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследуемой темы. Крупные перемены, происходящие во всех областях общественной жизни страны в последние десятилетия, заставляют вновь обратиться к истории советского прошлого, его проблемам и достижениям. Очевидно, что без исследования явлений и процессов предыдущих исторических периодов невозможно правильно оценить причины многих перемен в общественной жизни страны. Одной из самых актуальных проблем является изучение этнической истории. А поскольку этническая история любого народа имеет, кроме географического и временного, еще и социальное измерение, то мы можем говорить об этносоциальной истории.

В настоящее время межнациональные отношения на постсоветском пространстве резко обострились. Межгосударственные отношения между Россией и странами Балтии также омрачаются взаимными обвинениями и претензиями, корни которых зачастую уходят в историческое прошлое. В этих условиях формированию полноценной модели взаимоотношений между народами и национальными группами как стран Балтии, так и России может служить опыт двухвекового мирного существования, экономического и культурного развития выходцев из Прибалтики в Сибири и их взаимоотношений с другими этносами нашего региона.

В объяснении причин межнациональных конфликтов в свое время был сделан крен в область социально-экономических проблем сегодняшнего дня, а в последнее время и в область политических проблем. И здесь по-прежнему сохраняется задача изучения этноцентризма, выражающегося в формировании представлений о людях других национальностей, их образе жизни и других культурных ценностях через призму оценок образа жизни и культуры своей этнической общности.

Усиление этноцентризма в этих представлениях ведет к преувеличению ценностей своего народа и может способствовать и его крайней форме развития национализма – шовинизма. Изучение механизма формирования этноцентризма, видимо, может способствовать выработке методов его измерения, своевременному выявлению его деформаций и осуществлению краткосрочного прогноза, а, значит, и оперативной разработке мер по снижению этноцентристской напряженности и недопущению межнациональных конфликтов¹.

Позитивные и негативные аспекты социально-политической, экономической и культурной адаптации прибалтийских национальных групп в Сибири могут быть использованы при разработке национальной политики как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Объектом нашего исследования является латышское (включая латгальцев), эстонское и литовское население, сформировавшееся в Сибири путем административной, уголовной или политической ссылки и добровольного крестьян-

¹ Томилов Н.А. Культура и этнокультурное развитие России (в связи с завершением работ по программе «Народы России») // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. Омск, 1998. № 3. С.97-98.

янского переселения в XIX – начале XX вв. (Впрочем, литовцев мы будем касаться лишь эпизодически, поскольку большая их часть покинула Сибирь в ходе оптационной кампании 1920–1923 гг.). Этнические группы этих народов в рассматриваемый нами период проживали на территории современных Иркутской, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской областей, а также Алтайского и Красноярского края. По итогам Всесоюзной переписи населения 1926 г., в сельских районах Сибирского края проживало 22 860 латышей, 7 911 латгальцев и 27 847 эстонцев².

В качестве **предмета** данной диссертации выступают особенности социально-политической, экономической и культурной адаптации прибалтийских национальных групп к общественным изменениям в Сибири в 1920-х – 1930-х годах.

Историография. В историко-этнографической литературе проблемы истории и социального развития различных групп латышей и эстонцев, живущих за пределами основной территории расселения своих этносов, получили определенное освещение.

Первые сведения о лютеранских колониях на р. Оми и в Минусинской котловине появляются в печати во второй половине XIX в. в статьях В. Гаупта, Н.М. Ядринцева и Н. Лассмана³. По мнению Н. Лассмана и Н. Ядринцева, прибалтийские колонисты питали отвращение к честному труду. Идеолог сибирского областничества Н. Ядринцев назвал лютеранские колонии на Оми «пандемониумом несчастий и преступлений». Приводимые им сведения о быте латышских и эстонских колонистов зачастую носят неправдоподобный, а иногда и гротескный характер. Но основным недостатком вышеупомянутых публикаций является то, что они носят отрывочный и чисто описательный характер.

На рубеже XIX-XX вв. в связи с ростом добровольного переселения жителей Прибалтики во внутренние районы России в Прибалтийском крае усилился интерес к своим соотечественникам, покинувшим родину. Здесь необходимо выделить работы Й. Меомуттеля и А. Ниголя⁴. Несмотря на определенную отрывочность, эти работы в целом позволяют проследить общую картину переселения эстонцев в Сибирь.

Советские историки стали проявлять интерес к истории прибалтийских поселений в первой половине 1920-х годов.

В январе 1923 г. в журнале «Жизнь национальностей» был опубликован ряд научно-публицистических статей, посвященных истории, культуре и быту народов СССР. Несколько публикаций достаточно подробно осветили пробле-

² Цит. по: *Коровушкин Д.Г.* Латыши и эстонцы в Западной Сибири: расселение и численность в конце XIX – начале XXI века. Новосибирск, 2008. С.104, 112.

³ *Гаупт В.* Колония ссыльных лютеранского исповедания в Шушенской волости Минусинского округа // Русское географическое общество. Записки Сибирского отдела. Иркутск, 1864. № 7. С.16-31; *Он же.* Состояние колоний ссыльных лютеранского исповедания в Шушенской волости Минусинского округа. 1850-1865 гг. // Вторая памятная книга Енисейской губернии на 1865 и 1866 гг. СПб, 1865. С.58-78; *Ядринцев Н.М.* Рига, Ревель, Нарва и Гельсингфорс в Сибири // Неделя. 1878. № 3; *Лассман Н.* Минусинский округ - сибирская Италия // Прибалтийский листок. 1895. № 1.

⁴ *Meomuttel J.* Eesti asunikud laialises Vene riigis. Esimene katse sõnumid kõikide Eesti asunduste üle tuua. Jurjevis (Tartus), 1900; *Nigol A.* Eesti asundused ja asupaigad Venemaal. Tartus, 1918.

мы этнического развития этнических групп советских латгальцев, эстонцев и литовцев⁵.

В 1925 г. в Советском Союзе было создано Эстонское научное общество, которое поставило цель изучить также экономику, быт и культуру эстонцев, проживавших в СССР. Председателем общества был избран Я. Анвельт. На заседании 10 января 1932 г. аспирант Э. Паклар представил рукопись монографии «Поселения эстонцев в СССР». Впоследствии Э. Паклар продолжал работать над этой темой, однако в конце 1930-х годов он и его научный руководитель, профессор Х. Пегельман, были репрессированы. Рукопись и архив автора до сих пор не обнаружены. Из исследований Э. Паклара опубликованы только сведения о численности эстонских поселений (498) и крестьянских хозяйств (22265) накануне коллективизации⁶.

В 1931 г. латышский советский историк К. Шкилтерс издал в Минске монографию «Pilsonu karš un latvju kolonisti 1917.-1921. gg.» («Гражданская война и латвийские колонисты в 1917 – 1921 гг.»)⁷, где уделил немалое внимание партизанскому движению в Восточной Сибири, в котором принимали участие также переселенцы из Латвии.

В 1932 г. Я. Баллод и А. Эйсуль опубликовали в «Сибирской Советской энциклопедии» обзорные статьи по этнической истории латышей и латгальцев Сибири⁸. В работе Я. Баллода также значительное внимание уделяется социальному расслоению среди латышского крестьянства в Сибири и участию латышей в гражданской войне. В статье А. Эйсуля наиболее ценными нам представляются приведенные автором сведения о хозяйстве и традиционной культуре латгальцев в Сибири. Так, например, он писал о широком распространении знахарства у этой национальной группы.

Интерес к своим соотечественникам, переселившимся в Сибирь проявляли также историки Латвийской республики. Результаты их исследований по этому вопросу были опубликованы в многотомном издании «Latviešu konversācijas vārdnīca» в 1933 и 1939 гг.⁹ В данных статьях приведены подробные сведения по расселению и численности латышей в различных регионах России, в том числе и в Сибири, при этом в статье «Kolonijas latviešu» («Латышские колонии») приведен полный перечень латышских поселений Российской империи за пределами Латвии, что делает данную статью ценным историческим источником, не утратившим своей актуальности и по сей день.

В конце 1930-х гг. по Сибири прокатилась волна репрессий, были закрыты латышские и эстонские школы, чуть позже были ликвидированы газеты и

⁵ Пуган А.С. Латгальцы и Октябрьская Революция // Жизнь национальностей. Книга первая. Январь, 1923. С.209-212; Аллерман С. Эстонцы за 5 лет Октябрьской революции // Жизнь национальностей. Книга первая. Январь, 1923. С.212-216; Мицкевич-Капсукас В. Литовцы за 5 лет Октябрьской революции // Жизнь национальностей. Книга первая. Январь, 1923. С.220-227.

⁶ Маамяги В. Эстонцы в СССР. 1917-1940 гг. М., 1990. С.5.

⁷ Šķilters K. Pilsonu karš un latvju kolonisti 1917.-1921. gg. Minska, 1931.

⁸ Баллод Я. Латыши // Сибирская Советская энциклопедия. М., 1932. Т.3. С.26-28; Эйсуль А. Латгальцы // Сибирская Советская энциклопедия. Т.III. М., 1932. С.25-26.

⁹ Kolonijas latviešu // Latviešu konversācijas vārdnīca. R., 1933. 9. sēj. 17113.-17142. sl.; Rīžkova // Latviešu konversācijas vārdnīca. R., 1938.-1939. 18. sēj. 36375.-36376. sl.

журналы, и следующие публикации о сибирских латышах и эстонцах появились только четверть века спустя.

Началом следующего этапа изучения истории эстонского национального меньшинства следует считать 1960-е годы. В 1961 г. В. Маамяги поднял вопрос о целесообразности изучения эстонского советского национального меньшинства в 1917 – 1940 гг.¹⁰

Из работ по истории лютеранских колоний в Западной Сибири, написанных в этот период, можно отметить статью В. Злобиной¹¹. По ее мнению, первыми прибалтийскими колонистами в Сибири были ингерманландские финны, сосланные из Ямбургского уезда Санкт-Петербургской губернии.

В 1977 г. вышла в свет монография В. Маамяги «Эстонские поселения в СССР (1917-1940 гг.)», где значительное место уделено хозяйственному, партийному и культурному строительству в сибирской эстонской деревне. На эстонском языке эта монография вышла в 1980 г. под названием «Строя новую жизнь. Эстонское национальное меньшинство в Советском Союзе (1917-1940)»¹².

Эта монография впервые в советской историографии освещает историю возникновения эстонских поселений в России. На основании широкого круга источников автор говорит о причинах возникновения переселенческого движения, анализирует экономическую жизнь и развитие социальных отношений. В результате плодотворной исследовательской и научно-организаторской деятельности в эстонской советской историографии в тот период определилось направление, изучающее историю эстонских национальных групп в Советском Союзе.

В 1990 г. автор выпустил второе издание своего труда, куда включил также материалы по традиционной культуре эстонских поселенцев в СССР и сталинским репрессиям конца 1930 -х гг.¹³

В 1994 г. новосибирский исследователь М.Н. Колоткин, ранее изучавший деятельность эстонских и латышских секций партии большевиков в Сибири в 1920-х - 1930-х гг., выпустил две монографии¹⁴. Особенно интересна работа автора «Балтийская диаспора в Сибири: Опыт исторического анализа 20-30-х годов», в которой М.Н. Колоткин, используя материалы государственных и партийных архивов Сибири, а также русскоязычную прессу рассматриваемого периода, проанализировал политическое, экономическое и культурное развитие балтийских колоний в Сибири вплоть до конца 1930-х гг.

История прибалтийских национальных групп непосредственно связана с переселенческим движением. Список работ этого направления открывает монография известного дореволюционного исследователя переселенческих про-

¹⁰ *Выйме Л.* Эстонские поселения на Черноморском побережье Кавказа (вторая половина XIX века – 1929 г.) Автореф. дисс. канд. ист. наук. Таллин, 1975. С.13.

¹¹ *Злобина В.* Кто такие корлаки? // Сов. финно-угроведение. 1971. № 2. С.87-91.

¹² *Маамяги В.* Эстонские поселенцы в СССР (1917-1940 гг.). Таллин, 1977; *Maamägi V.* Uut elu ehitamas. Eesti vähemusrahvus NSV Liidus (1917-1940). Tallinn, 1980.

¹³ *Маамяги В.* Эстонцы в СССР. 1917-1940 гг. М., 1990.

¹⁴ *Колоткин М.Н.* Балтийская диаспора Сибири: Опыт исторического анализа. Новосибирск, 1994; *Он же.* Латгальские поселенцы в Сибири. Новосибирск, 1994.

блем А.А. Кауфмана «Переселение и колонизация»¹⁵, в которой отмечается, что выходцы из Балтии в Сибири заселяли примерно треть лесных, степных и лесостепных участков.

Из работ, вышедших в 1920-х гг. особый интерес представляет монография уже упоминавшегося нами К. Шкилтера «Latkoloniju vēsture» («История латышских колоний»)¹⁶. В этой работе, по мнению Е.И. Муравской, К. Шкилтер положил начало исследованиям всех поселений латышских крестьян в России, за пределами Прибалтийских губерний и дал ценные фактические данные об этих поселениях, а также объяснил причины ухода крестьян на переселение и обозначил дальнейшие пути изучения хозяйственного развития латышских поселенцев на казенной, удельной и частно-владельческой землях¹⁷.

В 1957 г. Б.П. Суриков в монографии «Zaldātu un matrožu revolucionaṛā kustība Latvijā 1905. – 1907.» («Революционное движение солдат и матросов в Латвии в 1905 – 1907 гг.»)¹⁸ детально рассмотрел предпосылки аграрного переселения латышских крестьян и батраков во внутренние районы России. Этот процесс, на его взгляд, был вызван высокой степенью социального расслоения латышского крестьянства и большим удельным весом безземельных крестьян в Латвии в конце XIX – начале XX вв.

Следующая фундаментальная работа по этой тематике появилась в 1975 г., когда член-корреспондент Академии наук ЭССР А. Вассар закончил основательное исследование о переселенческом движении в Эстонии – монографию «Uut maad otsimas. Agraarne umberasumisliikumine Eestis kuni 1863» («В поисках новых земель. Аграрное переселенческое движение в Эстонии до 1863 г.»)¹⁹. В этой работе отмечается, что в рассматриваемый период переселенческое движение значительно превышало создаваемую капитализмом миграцию. Автор подчеркивал, что переселенческое движение представляло собой одну из форм классовой борьбы крестьянства.

В первой половине 1980-х годов немало внимания переселенческому движению в Латвии, в том числе и в Сибирь было уделено в работах Е.И. Муравской²⁰. К сожалению, автор почти ничего не говорит об этнокультурных контактах прибалтийских крестьян-переселенцев со старожильческим русским и коренным населением Сибири.

Из недавних публикаций по этой тематике следует отметить работы П.П. Вибе и И.В. Нам²¹, в которой авторы упоминают об участии переселенцев из Прибалтики в хозяйственном освоении Сибири в конце XIX - начале XX вв.

¹⁵ Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905.

¹⁶ Škilters K. Latkoloniju vēsture. M., 1928.

¹⁷ Муравская Е.И. Миграция прибалтийского крестьянства во второй половине XIX - начале XX вв. Рига, 1986. С.97.

¹⁸ Surikova B. Zaldātu un matrožu revolucionaṛā kustība Latvijā 1905. – 1907. Rīga, 1957.

¹⁹ Vassar A. Uut maad otsimas. Agraarne umberasumisliikumine Eestis kuni 1863 aastani. Tallinn, 1975.

²⁰ Муравская Е.И. Организация хозяйства прибалтийских поморов в конце 90-х годов XIX в. // Вопросы аграрной истории Прибалтики. Рига, 1982. С.136-156; Она же. Прибалтийские крестьяне-рыбаки в переселенческом движении на рубеже XIX-XX вв. // Вопросы аграрной истории Латвии. Рига, 1984. С.55-78; Она же. Миграция прибалтийского крестьянства во второй половине XIX - начале XX вв. Рига, 1986.

²¹ Вибе П.П. Крестьянская колонизация Тарского округа Тобольской губернии в конце XIX - начале XX вв. // Таре - 400 лет: Проблемы социально-экономического освоения Сибири. Омск, 1994. Ч.1. С.102-108; Она же.

Перечень работ, посвященных изучению расселения и численности прибалтийских переселенцев в Сибири открывает опубликованная в 1966 г. статья А.Д. Колесникова «О национальном составе населения Омской области»²². Автор подчеркивает, что к началу Великой Октябрьской социалистической революции на территории современных Калачинского и Оконешниковского районов жили представители 16 национальностей, включая переселенцев из Прибалтики²³.

В 1992 г. выпускник Тартуского университета Х. Кулу опубликовал свою работу «Eestlased maailmas. Ülevaade arvukusest ja paiknemisest» («Эстонцы в мире. Обзор численности и расселения»), в которой представил скрупулезный этнодемографический анализ численности и расселения эстонских эмигрантов в России, Швеции, США, Канаде, Австралии и других странах в XIX – XX вв. По мнению автора, в ближайшем будущем быстрыми темпами пойдет процесс утраты национального языка, на котором будут говорить лишь представители старшего поколения, и последующей за этим этнической ассимиляции эстонцев за рубежом²⁴.

В 1997 г. Х. Кулу выпустил монографию о возвращении эстонцев из Западной Сибири на этническую родину в 1940-1989 гг., где автор не только скрупулезно рассматривает этнодемографические процессы, происходившие в сибирской эстонской деревне в рассматриваемый период, но также затрагивает проблемы экономического, политического и культурного развития сибирских эстонцев в 1920-1940 гг.²⁵

Важной вехой в исследовании динамики расселения и численности прибалтийских национальных групп Сибири стала монография Д.Г. Коровушкина «Латыши и эстонцы в Западной Сибири: расселение и численность в конце XIX – начале XXI века», в которой автор исследует изменение численности прибалтийского населения Сибири, начиная с 1897 г. Заслуживает внимания вывод о том, что «...что снижение переписной численности является индикатором смены официального этнического самосознания»²⁶.

Исследование сибирских эстонцев во второй половине 1980-х гг. неразрывно связано с работами таллиннского лингвиста Ю. Вийкберга²⁷. На огром-

Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. Омск, 2007; *Нам И.В.* Этнический фактор формирования рабочего класса в Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Актуальные вопросы истории Сибири: Седьмые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Барнаул, 2009. С.124-125.

²² *Колесников А.Д.* О национальном составе населения Омской области // Материалы к третьему науч. совещанию географов Сибири и Дальнего Востока. Омск, 1966. Вып. II. С.88-104.

²³ Там же. С.102.

²⁴ *Kulu H.* Eestlased maailmas. Ülevaade arvukusest ja paiknemisest. Tartu, 1992. 142 lk.

²⁵ *Kulu H.* Eestlaste tagasiränne 1940-1989. Lääne-Siberist pärit eestlaste näitel. Helsinki, 1997.

²⁶ *Коровушкин Д.Г.* Латыши и эстонцы в Западной Сибири: расселение и численность в конце XIX – начале XXI века. Новосибирск, 2008. С.79.

²⁷ *Вийкберг Ю.* Эстонские языковые острова в Сибири: (Характер изменений, языковые контакты.) // Материалы пятой республик. науч. конф. молод. лингвистов. Ереван, 1986. С.136-137; *Он же.* Эстонские языковые островки в Сибири. (Возникновение, изменения, контакты.): АН Эстон. ССР. Отд-ние обществ. наук. Таллин, 1986; *Он же.* Смена языка – «против» и «за» (на примере сибирских эстонцев) // Материалы шестой республик. науч. конф. молод. лингвистов. Ереван, 1988. С.164-165; *Он же.* Сибирские эстонцы и языковая политика // Билингвизм и диглоссия.: Конференция молодых ученых. М., 1989. С.13-14; *Он же.* Эстонские языковые островки в Сибири: (возникновение, развитие, контакты): Автореф. дисс... канд. филолог. наук. Тарту, 1989 и др.

ном фактическом материале он исследовал языковые контакты сибирских эстонцев с русскими, финнами и другими народами и этническими группами, а также выявил факторы, способствовавшие сохранению или утрате ими национального языка. Можно согласиться с Ю. Вийкбергом в том, что лексическое вторжение русских слов и выражений в эстонский язык буквально во всех сферах общественной жизни было следствием эстонско-русских культурных контактов, особенно расширившихся после коллективизации в сибирской эстонской деревне. Впоследствии лексические заимствования привели к фонетическим и синтаксическим изменениям в эстонском языке.

В 1996 г. в Институте этнологии и антропологии РАН вышла работа О.В. Курило «Очерки по истории лютеран в России (XVI-XX вв.)»²⁸. Большая часть этой монографии посвящена истории немецких лютеранских колоний, но в нескольких главах автор описывает финские, шведские, ингерманландские, латышские и эстонские колонии. Однако серьезным недостатком данной монографии, на наш взгляд, является преувеличение религиозного фактора в жизни прибалтийских колонистов.

Интересные исследования в 1990-х годах проводили и эстонские ученые. В середине 1990-х годов сотрудники Эстонском литературного музея (Тарту) А. КORB и А. Юргенсон написали ряд работ, посвященных традиционной культуре и фольклору сибирских эстонцев²⁹.

В 2001 г. была напечатана работа новосибирского исследователя А.Ю. Майничевой «Эстонцы в верхнем Приобье в конце XIX - первой трети XX вв.: особенности поселений и домостроения»³⁰.

Полевые работы автора позволили в какой-то мере восполнить имеющийся пробел и проследить особенности культуры жизнеобеспечения эстонцев в Сибири на примере формирования поселений и домостроения. Особо отметим тезис А.Ю. Майничевой о том, что «В местах проживания эстонцев складывалась особая смешанная, подворно-общественная система землепользования и создавалось два вида хозяйств - мызных и подворных. При этом мызные хозяйства составляли большинство и представляли собой группы отдельных хозяйств или хуторов, в которых вокруг усадеб сосредоточиваются все земли крестьян»³¹.

Самым важным событием 2002 г. в изучении традиционной культуры сибирских латышей стала защита в Новосибирске кандидатской диссертации омского этнографа А.Б. Свитнева «Поселения и усадьбы латышей и латгальцев

²⁸ Курило О.В. Очерки по истории лютеран в России (XVI-XX вв.). М., 1996.

²⁹ Jürgenson A. Emakeele osast Siberi eestlaste etnilises identiteedes // Eesti kultuur võõrsil. Loode-Venemaa ja Siberi asundused. Tartu, 1998. Lk.126-140; Korb A., Peebo K. Eesti asundused I. Siin Siberi maa peal kasvanud. Tartu, 1995; Korb A. Eesti asundused II. Ei oska rääkimise möödi kõnelda. Tartu, 1996; Korb A. Eesti asundused III. Seitse küla Siberis. Tartu, 1998; Korb A. Eesti asundused IV. Taaru-tagused ja stepiasukad. Tartu, 1999.

³⁰ Майничева А.Ю. Эстонцы в верхнем Приобье в конце XIX – первой трети XX вв.: особенности поселений и домостроения // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы науч.-практ. конф. Вып.4. Барнаул, 2001. С.80-83.

³¹ Там же. С.81.

Западной Сибири (конец XIX - XX вв.)»³², где автор исследовал изменения в планировке усадеб данных национальных групп.

В 2004 г. в Новосибирске была написана, хотя и не защищена докторская диссертация Д.Г. Коровушкина «Этнокультурная адаптация поздних переселенцев в Западной Сибири (конец XIX - первая четверть XX вв.)», где автор на большом фактическом материале исследовал основные закономерности этноязыковых и этнокультурных процессов у малых этнических групп Западной Сибири (немцы, чувашаи, латыши и эстонцы)³³.

В 2010 г. в Таллинне был опубликован сборник научных статей «Eestlased ja eesti keel välismaal» («Эстонцы и эстонский язык за рубежом») под редакцией К. Праакли и Ю. Вийкберга³⁴. На материале Аргентины, Бразилии, Великобритании, Германии, Дании, Канады, Латвии, России, США, Финляндии и Швеции авторы статей рассмотрели следующие вопросы: а) формирование эстонской диаспоры; б) языковая политика в данных государствах; в) взаимосвязь между владением эстонским языком и сохранением этнической идентичности эмигрантов; г) языковые контакты и произошедшие изменения в эстонском языке за рубежом и д) владение эстонскими эмигрантами родным языком.

В 1970-х гг. резко возрос интерес к деятельности латышских и эстонских партийных и комсомольских организаций в России в годы гражданской войны и восстановительного периода. Эти вопросы частично освещены в монографии Я.Ш. Шарاپова, диссертации Л.А. Голишевой, а также в работах В.А. Демидова³⁵.

В эти же годы появились публикации А. Бейки о латышских партийных секциях Сибири³⁶, а в 1973 г. им была защищена кандидатская диссертация «Латышские секции РКП(б) и РКСМ в Сибири (конец 1919 г. – 1922 г.)»³⁷. Изучив материалы Алтайского, Иркутского, Красноярского, Новосибирского, Омского и Томского партийных архивов, автор впервые в историко-партийной литературе осветил один из периодов деятельности латышских партийных секций сибирского региона.

В 1977 г. в Институте истории партии при ЦК Компартии Эстонии в Таллине была защищена докторская диссертация В. Раевского «Латышские секции РКП(б) (1917-1925 гг.)». Годом раньше в Риге автором была издана од-

³² Свитнев А.Б. Поселения и усадьбы латышей и латгальцев Западной Сибири (конец XIX - XX в.): Дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2002.

³³ Коровушкин Д.Г. Этнокультурная адаптация поздних переселенцев в Западной Сибири (конец XIX - первая четверть XX вв.): Дисс. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2004.

³⁴ *Eestlased ja eesti keel välismaal*. Tallinn, 2010.

³⁵ Шарاپов Я.Ш. Национальные секции РКП(б). Казань, 1967; Голишева Л.А. Национальные отделы в Сибири и их деятельность (конец 1919-1923 гг.): Автореф. дисс. канд. ист. наук. Томск, 1970; Демидов В.А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. Новосибирск, 1973; Он же. Октябрь и национальный вопрос в Сибири (1917-1922 гг.). Изд.2. Новосибирск, 1983.

³⁶ Бейка А. С коммунистами на переднем крае // Коммунист Советской Латвии. 1973. № 3. С.79-81; Beika A. Talājā Sibīrijā // Padomju Latvijas Sieviete. 1970. № 2. 6.-8. lpp.; Beika A. Latviešu padomju skola Sibīrijā // Skola un ģimene. 1973. № 4. 44.-46. lpp.

³⁷ Бейка А. Латышские секции РКП(б) и РКСМ в Сибири (конец 1919-1922 гг.): Автореф. дисс. канд. ист. наук. Рига, 1973.

ноименная монография³⁸. В отличие от Л.А. Голишевой, В.А. Демидова и особенно Я.Ш. Шарапова, которые в основном занимались разработкой вопросов «партийного строительства и воплощения в нем принципов пролетарского интернационализма» (формулировка В. Раевского)³⁹, автор дал развернутую оценку такого специального учреждения партии, как национальные секции.

В 1987 г. в Риге вышла монография латышского историка А. Спреслиса «Latviešu sarkangvardi cīņā par padomju varu 1917.-1918. gadā» («Латышские красногвардейцы в борьбе за Советскую власть в 1917-1918 гг.»), в которой немалое место уделено участию латышских переселенцев в гражданской войне в Сибири⁴⁰. Автор в своей работе продолжил традицию, заложенную в работах А. Бейки и В. Раевского – анализ деятельности латышских трудящихся, коммунистов и красных стрелков по установлению и защите Советской власти за пределами Латвии. Заслуживает внимания вывод автора о том, что в Февральской революции в Сибири приняли активное участие группа латышских большевиков, политические заключенные и ссыльные, а также беженцы. Также в этот период в политическую жизнь начали включаться латышские колонисты⁴¹.

Из недавних работ этого направления можно выделить две монографии омских ученых – А.П. Михеева и А.А. Штырбула⁴². А.П. Михеев выделяет среди политических ссыльных, отбывавших наказание на Тобольской каторге, большую группу участников революционных событий в Прибалтике, многие из которых были членами ЛСДРП. А.А. Штырбул в монографии «Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая треть XX в.)» пишет не только о прибалтийских секциях и группах, действовавших в Сибири при местных комитетах РСДРП, но упоминает также о других левых литовских и эстонских политических организациях. О деятельности прибалтийских политических организаций в Сибири в годы гражданской войны упоминается также в докторской диссертации И.В. Нам⁴³.

Первой научной работой, всецело посвященной вопросам экономического развития прибалтийских поселений в Сибири в 1920-х – 1930-х годах можно считать статью Л.В. Малиновского «Сельское хозяйство западных национальных меньшинств в Сибири (1919-1928 гг.)»⁴⁴. По его мнению, к моменту коллективизации у сибирских латышей и эстонцев сложилось развитое хуторское хозяйство капиталистического типа⁴⁵.

Процессы, происходившие в латышских колониях в России в годы нэпа, были детально проанализированы в статье Я. Бебера «Расслоение латышского

³⁸ Раевский В. Латышские секции РКП(б). Рига, 1976; Он же. Латышские секции РКП(б) (1917-1925 гг.). Автореф. дисс... докт. ист. наук. Таллин, 1977.

³⁹ Раевский В. Латышские секции РКП(б). Автореф. дисс... С.1.

⁴⁰ Sprēslis A. Latviešu sarkangvardi cīņā par padomju varu 1917.-1918. gadā. Rīga, 1987.

⁴¹ Turpat. 253. lpp.

⁴² Михеев А.П. Тобольская каторга. Омск, 2007; Штырбул А.А. Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая треть XX в.). Омск, 2008.

⁴³ Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока в условиях революции и гражданской войны (1917 – 1922 гг.): Автореф. дисс... докт. ист. наук. Томск, 2008.

⁴⁴ Малиновский Л.В. Сельское хозяйство западных национальных меньшинств в Сибири (1919-1928 гг.) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Вып.3. С.202-213.

⁴⁵ Там же. С.212.

крестьянства накануне коллективизации (1925-1928 гг.)», опубликованной в 1982 г. в сборнике «Вопросы аграрной истории Прибалтики»⁴⁶.

Очень важным мы считаем утверждение Я. Бебера об определенной экономической нестабильности среди поселенцев-середняков. По его мнению, «наблюдается уклон зажиточной части в сторону кулачества, ибо на определенной ступени развития хозяйству уже не обойтись без наемных рабочих (если не пойти по пути коллективизации)»⁴⁷.

В пост-перестроечный период вопросы экономического развития бывших прибалтийских колоний нашли отражение в краеведческой литературе. В 1994 г. омский исследователь М. Саньков в книге «Марьяновский меридиан» посвятил немало страниц хозяйственному устройству латышской коммуны «Курземме», существовавшей на территории нынешнего Марьяновского района Омской области в 1920-х гг.⁴⁸ Проблемы становления и функционирования прибалтийских колхозов на территории современного Венгеровского района Новосибирской области в 1930-х гг. затронуты в работе П.М. Пономаренко⁴⁹. Особое внимание в монографии уделено хозяйствам «Литовский труд» и «Литовская победа» - первым литовским колхозам в Сибири.

Перечень работ, посвященных проблемам культурно-просветительной работы у прибалтийских национальных групп Сибири открывают несколько работ, опубликованных в 1923 г.⁵⁰ В этих статьях впервые подробно описывается структура прибалтийских культурно-просветительных учреждений как в Сибири, так и в целом по СССР в начале 1920-х гг.

В 1932 г. в журнале «Просвещение национальностей» вышла статья А. Бруцера «Культурная работа среди латышей»⁵¹, в которой автор уделил большое внимание состоянию народного просвещения и культурного строительства у латышей и латгальцев в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг. По мнению А. Бруцера, маленькая смешанная одноклассная школа в тот период уже была не в состоянии справиться с задачами в области коммунистического воспитания и политехнизации и для латышского населения необходимо было организовать районные школы с общежитиями, интернатами, рабочими комнатами и мастерскими⁵².

Особое значение имеет кандидатская диссертация Дз. Вискны «Латышская советская культура в Советском Союзе в 20-30-х годах»⁵³. Правда, материалы о культуре сибирских латышей, представленные в этой работе, немногочисленны.

⁴⁶ Беберс Я. Расслоение латышского крестьянства накануне коллективизации (1925-1928 гг.) // Вопросы аграрной истории Прибалтики. Рига, 1982. С.174-181.

⁴⁷ Там же. С.180.

⁴⁸ Саньков М. Марьяновский меридиан. Омск, 1994.

⁴⁹ Пономаренко П.М. Отчий край: очерки по истории Венгеровского района Новосибирской области. Новосибирск, 2005.

⁵⁰ Куджиев В. К практической постановке национальной проблемы в Омской губернии // Изв. Омск. губкома РКП(б). 1923. № 7. С.11-28; Мазудре. Культурные достижения латышей РСФСР // Жизнь национальностей. Книга первая. Январь, 1923. С.207-209; Шамматов М. Просвещение национальных меньшинств в Сибири // Жизнь Сибири. 1923. № 6-7 (10-11). С.176-180.

⁵¹ Бруцер А. Культурная работа среди латышей // Просвещение национальностей. 1932. № 2-3. С.57-64.

⁵² Там же. С.59.

⁵³ Вискна Д. Латышская советская культура в Советском Союзе в 20 - 30-х годах.: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Рига, 1967.

численны и отрывочны, но зато даются исчерпывающие сведения о строении и функционировании латышских культурно-просветительных организаций в СССР в 1920-1930-х гг. Серьезное внимание в этой работе уделено распространению латышско-русского двуязычия в этот период.

О культурном подъеме в сибирской деревне в 1920-1930-х годах рассказывает статья В. Грюнберга «Об одной сибирской эстонской газете», опубликованная в журнале «Коммунист Эстонии»⁵⁴. Автор анализирует структуру и содержание газеты «Siberi Tööline» (впоследствии «Siberi Teataja» и «Коммунаар») и ее роль в хозяйственном и культурном просвещении эстонских колонистов.

Ценное сравнительное значение для нас имеет монография М.Н. Губогло и Ф.Г. Сафина «Принудительный лингвизм. Социологические очерки об этнополитической ситуации в СССР в 1920 – 1930-е годы»⁵⁵. В книге подробно рассматривается этноязыковая ситуация и функционирование национальных культурно-просветительных учреждений в Башкирской АССР в 1920 – 1930-х годах.

Таким образом, в исследовании прибалтийских национальных групп Западной Сибири можно условно выделить три этапа.

1. Середина 1870-х - 1918 год - отрывочные сведения русских и прибалтийских ученых, а также периодических изданий по численности, расселению, хозяйству и быту данных этнических групп.

2. 1918 - конец 1930-х годов - появление статей и монографий по этнической истории выходцев из Прибалтики в Сибири.

3. Середина 1960-х - начало XXI в. - работы историков, этнографов, лингвистов по проблемам истории (в том числе новейшей), хозяйства, традиционной культуры, религии, языковых взаимосвязей и современных этнических процессов у латышей и эстонцев Сибири.

В результате этих исследований к началу XXI века сравнительно неплохо изучена этническая история данных национальных групп (особенно вопросы расселения и численности), история создания и функционирования национальных партийных организаций в Сибири, языковые контакты сибирских эстонцев, но очень слабо исследована еще традиционная культура выходцев из Прибалтики и проблемы социально-культурной адаптации прибалтийских переселенцев в Сибири.

Хронологические рамки исследования. В данной работе мы рассматриваем этническое развитие переселенцев из Прибалтики на протяжении короткого исторического периода – в 1920-х - 1930-х гг. Именно в это время произошло историческое размежевание между теми прибалтийскими переселенцами, кто желал вернуться на родину, и теми, кто хотел остаться в Сибири (оптация гражданства прибалтийских государств в 1920-1923 гг.); в этот период существовали национальные прибалтийские партийные, хозяйственные и культурно-просветительные структуры, и, наконец, борьба с «национальным демократиз-

⁵⁴ Грюнберг В. Об одной сибирской эстонской газете // Коммунист Эстонии. 1967. № 4. С.44-49.

⁵⁵ Губогло М.Н., Сафин Ф.Г. Принудительный лингвизм. Социологические очерки об этнополитической ситуации в СССР в 1920 – 1930-е годы. М., 2000.

мом» в 1937-1938 гг. и окончательная ликвидация хуторской системы в 1940 г. послужили катализатором для дальнейшего усиления этнических контактов выходцев из Прибалтики с окружающими их этносами и этническими группами. Все вышесказанное позволяет нам считать 1920-е-30-е гг. ключевым периодом в этнической истории сибирских латышей, литовцев и эстонцев.

Также поскольку история прибалтийской диаспоры в Сибири всегда прямо или косвенно была связана с историей Прибалтики, неизбежны исторические экскурсы в историю этого региона.

Территориальные рамки исследования включают в себя районы компактного проживания выходцев из Прибалтики на территории Западной и Восточной Сибири в рассматриваемый нами период (территория нынешних Алтайского и Красноярского краев, Иркутской, Кемеровской, Новосибирской, Омской и Томской областей).

Источники. При изучении темы использовался обширный круг письменных источников. В зависимости от происхождения, способа использования и формы отражения исторических реалий, можно выделить следующие их виды:

- 1) неопубликованные источники (материалы государственных архивов Российской Федерации, Латвии и Эстонии, а также архивов ЗАГС Кемеровской, Новосибирской, Омской и Томской областей);
- 2) законодательные источники, документы советского и российского государства, работы руководителей Коммунистической партии СССР и советского правительства, а также деятелей коммунистического движения в Прибалтике;
- 3) библиографические указатели и справочная литература;
- 4) периодические издания (газеты и журналы на русском, латышском и эстонском языках).

Из неопубликованных источников нами задействовано 52 фонда 15 отечественных и зарубежных архивов. К отечественным архивам относятся: Государственный архив Красноярского края (ГАКК), Государственный архив Новосибирской области (ГАНО), Государственный архив Омской области (ГАОО), Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), (г. Москва); Государственный архив Томской области (ГАТО), Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), (г. Москва), Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИ ИО), Центр документации новейшей истории Омской области (ЦДНИ ОО), Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО), Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК), Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края (ЦХИДНИ КК).

Из зарубежных неопубликованных источников автором были привлечены материалы Центрального государственного архива Эстонии (ERA) и его филиала (ERAF), Государственного исторического архива Эстонии (ERAA) и Центрального государственного исторического архива Латвии (LVVA).

Значительная часть неопубликованных источников из государственных архивов впервые вводится автором в научный оборот.

В нашей работе большое внимание уделено деятельности национальных партийных секций. Материалы, посвященные этим организациям, можно разделить на следующие группы: положения о национальных секциях, инструкции, циркуляры ЦК РКП(б) и Сиббюро ЦК РКП(б); переписка секций с губкомами партии и с центральными органами; протоколы заседаний подотделов национальных меньшинств и заседаний национальных секций, отчеты о работе подотделов, секций, отдельных работников. Эти материалы хранятся в фондах губернских, окружных и уездных партийных комитетов, а также региональных и краевых исполнительных комитетов сибирских архивов, центральных архивов (ГА РФ, Ф. 1235 – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, Ф. 1318. – Наркомнац; РГАСПИ, Ф. 17. – Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)), а также филиала Центрального государственного архива Эстонии (ERAФ, F. 40 - Фонд сибирского бюро эстонской секции ЦК РКП(б)).

Видное место среди неопубликованных источников занимают мемуары: воспоминания участников и свидетелей гражданской войны в Сибири И. Леоска и А. Стальберга (ЦДНИ ОО, Ф. 19 – Омский истпарт).

Большое значение имеют архивные материалы Сибирского отдела народного образования (ГАНУ, Ф. 1053), и опубликованные фактические и статистические сведения губернских и окружных управлений народного образования (ГАОО, Ф. 318, 1152). Именно они позволили восстановить историю национальной школы балтийских национальных групп в Сибири.

Большую важность представляют также материалы сибирских архивов, среди которых мы можем найти результаты всеобщих и локальных переписей населения (ГАНУ, Ф. Р-859 - Редакция газеты «Taisneiba» («Правда»); ГАОО, Ф.33 - Статистическое бюро Омского губернского революционного комитета, с 1 сентября 1920 г. – Статистическое бюро Исполкома Омского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов; и др.), отчеты полицейских и землеустроительных организаций по переселению и землеустройству выходцев из Прибалтики (ERA, F. 337. - Фонд полицейского управления Вырумаа; ГАОО, Ф. 20. – Волостные правления Омского, Тюкалинского и Тарского уездов и др.), а также сведения по эвакуации населения, оптировавшего гражданство своих национальных государств в 1920-1923 гг. (ГАОО, Ф. 135. – Омское линейное управление по эвакуации населения Сибирского управления по эвакуации населения ERAА, F. 957 - Фонд Сибирской контрольно-оптационной комиссии; F. 33 - Фонд Министерства иностранных дел Эстонии; LVVA, 2570. f. - Фонд отдела беженцев и военнопленных Административно-юридического департамента министерства иностранных дел Латвии и др.).

Следующей важной группой источников являются законодательные источники и документы советского и российского государства, а также работы руководителей Коммунистической партии СССР и советского правительства, а также деятелей коммунистического движения в Прибалтике. Здесь мы выделяем доклад В.И. Ленина с оценкой Тартуского мирного договора, и статью В.

Кингисеппа, посвященную деятельности национальных культурно-просветительных учреждений у эстонских этнических групп в России⁵⁶.

Большая часть используемых нами законодательных источников, а также документов дореволюционного и советского периода носит второстепенный характер, создавая фон общественно-политической жизни в регионе и в стране в целом. Исключение составляет сборник томских исследователей А.А. Кутиловой, И.В. Нам, Н.И. Наумовой и В.А. Сафонова «Национальные меньшинства Томской губернии. Хроника общественной и культурной жизни. 1885-1919»⁵⁷, в котором авторы на материалах периодической печати конца XIX – начала XX вв. показали сложную, а порой и противоречивую картину становления и развития культурной жизни народов и этнических групп Сибири этого периода, включая и переселенцев из Прибалтики.

Кроме того, с эстонского на русский язык нами были переведены материалы двух сборников, посвященных событиям гражданской войны в Эстонии «Гражданская война и иностранная интервенция в Эстонии. 1918-1920: документы и материалы» и «Революция, гражданская война и иностранная интервенция в Эстонии (1917-1920 гг.)»⁵⁸.

В справочной литературе дореволюционного периода важное место занимает работа С.К. Патканова «Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и род инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.)»⁵⁹, вышедшая в Санкт-Петербурге в 1911 г. Характерно, что автор приводит данные по численности и расселению населения Сибири не только по конфессиональному, но и этническому и даже субэтническому признакам.

Из справочных материалов 1920-х годов нам хотелось бы выделить опубликованные статистико-демографические материалы⁶⁰, позволившие не только уточнить и конкретизировать численность и расселение выходцев из Прибалтики как накануне оптационной кампании, так и после ее завершения, но и определить основные типы поселений латышских, латгальских и эстонских колонистов.

Для определения уровня хозяйственного развития латышей и эстонцев, проживавших на территории Тарского округа в конце 1920-х годов ценным историческим источником являются «Материалы для изучения переселенческих хозяйств Тарского округа», изданные в Новосибирске в 1928 г.⁶¹ В этой работе

⁵⁶ Ленин В.И. Доклад о работе ВЦИК и Совнаркома на первой сессии ВЦИК VII созыва 2 февраля 1920 г. // Полн. собр. соч. - Т.40 (Декабрь 1919 – апрель 1920 гг.). М., 1974. С.87-110.; *Kingisepp V. Seltsid ja ühingud // Kiir. 1913. 26 veebr.*

⁵⁷ Кутилова А.А., Нам И.В., Наумова Н.И., Сафонов В.А. Национальные меньшинства Томской губернии. Хроника общественной и культурной жизни. 1885-1919. Томск, 1999.

⁵⁸ *Kodusõda ja välisriikide interventsioon Eestis. 1918-1920: Dokumente ja materjale. Kahes köites. I köide. Tln., 1984; Revolutsioon, kodusõda ja välisriikide interventsioon Eestis. (1917-1920). II köide. Tln., 1982.*

⁵⁹ Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и род инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). СПб., 1911. Т. II.

⁶⁰ *Итоги демографической переписи населения 1920 г. по Омской губернии. Возрастной и национальный состав населения с подразделением по полу и грамотности.* Омск, 1923. Вып.2; *Список населенных мест Сибирского края.* Новосибирск, 1928.

⁶¹ *Материалы для изучения переселенческих хозяйств Тарского округа.* Под ред. Д.В. Доброгo, Н. Я. Новомбергского, Н.С. Юрцовского. Ч.1. Новосибирск, 1928.

дается не только полное описание хозяйств западных национальных меньшинств Тарского округа, но и приводятся интересные сравнительные данные по хозяйственному состоянию поселений в различных природно-климатических зонах этого региона.

Диссертант использовал также печатные источники, среди которых фигурируют как дореволюционные издания и печатные издания времен гражданской войны и 1920-х – 1930-х годов, так и периодическая печать второй половины XX – начала XXI вв.

Интересный фактический материал о жизни латышских и эстонских поселенцев в Сибири в 1920-1930-е гг. регулярно появлялся на страницах латышских газет «Krievijas Cīņa» («Борьба России»), «Latviešu Zemnieks» («Латышский крестьянин»), «Sibīrijas Cīņa» («Борьба Сибири»), эстонских «Siberi Tööline» («Сибирский рабочий»), «Siberi Teataja» («Сибирский вестник»), «Kommuнаар» («Коммунар») и др., а также латгальской «Taisneība» («Правда»). Отметим еще, что прибалтийская пресса в Сибири не только публиковала интересный материал о жизни эстонских, латышских и латгальских колонистов, но и создавала для этих национальных групп единое информационное пространство.

Начиная с середины 1960-х годов начинает проявляться новая тенденция: в газетах и журналах появляются статьи ученых (А. Бейки, А.Д. Колесникова, М.Н. Колоткина, Х. Строда и др.) по истории прибалтийских переселенцев в Сибири. Характеристики данных работ приведены нами в историографическом обзоре.

Целью нашей работы является выявление особенностей этнического развития и анализ проблем социально-политической, экономической и культурной адаптации дисперсно расселенных этнолокальных групп выходцев из Прибалтики, сформировавшихся в результате уголовной и политической ссылки и массовых переселений в Сибирь в XIX — первой четверти XX вв., в течение 1920-х - 1930-х гг.

Для достижения поставленной цели в диссертации предстоит решить ряд задач:

- 1) выявить основные этапы истории появления первых прибалтийских колонистов в Сибири, их расселения, динамики и численности до 1917 г.;
- 2) охарактеризовать ход и основные направления процессов оформления организационных структур среди балтийских поселенцев;
- 3) выявить причины, ход и последствия оптической кампании 1920-1923 гг.;
- 4) отметить особенности проблем экономического и политического развития прибалтийских колоний в Сибири в период перехода от «военного коммунизма» к нэпу а также участия прибалтийских колонистов в восстановлении социально-экономического потенциала Сибири в 1920-1925 гг.;
- 5) проследить процессы становления прессы на языках балтийских народов;
- 6) выделить основные параметры культурного развития выходцев из Балтии в Сибири в восстановительный период;

7) определить специфику экономического развития прибалтийских колоний в Сибири в 1926-1929 гг., а также сложного и противоречивого процесса кооперирования крестьянских хозяйств прибалтийских национальных групп;

8) охарактеризовать развитие социальной ситуации и политической борьбы в прибалтийских колониях Сибири во второй половине 1920-х годов;

9) выявить опыт развития локальных субэтнических групп латгальцев и сету Сибири во второй половине 1920-х годов;

10) выделить успехи и проблемы, возникшие при проведении коллективизации у прибалтийских национальных групп Сибири;

11) выявить особенности становления и развития народного образования и культурного строительства в прибалтийской сибирской деревне в 1926-1940 гг.

Методология исследования включает *общефилософский, теоретико-концептуальный и методический* уровни познания объекта.

Общефилософский уровень методологии предполагает рассмотрение изучаемых проблем с диалектических позиций. Исследование строится на основе принципов историзма, объективности, системности, методологического плюрализма.

Теоретико-концептуальный уровень методологии включает в себя совокупность теоретических концепций, представлений и подходов, изложенных в имеющейся литературе по данному вопросу, ставшую исходной в разработке и решении проблем, затрагивающих плоскость адаптации иноязычного и инокультурного населения к природно-географическим, политическим, экономическим и культурным условиям Сибири в 1920-е – 1930-е гг.

В целом мы разделяем основные положения марксистской концепции истории России в оценке взаимодействий и взаимовлияний социально-экономических, политических и этнических процессов.

Говоря о социально-культурной адаптации малых этнических групп, очень важно определить модель этой адаптации, которой следовало государство на различных исторических этапах. Нам представляется наиболее точной классификация данных моделей, выработанная израильским исследователем А.Эпштейном. Модели «сепаратного плюрализма», «этнографического мультикультурализма» и «временного мультикультурализма» представляют последовательную цепь аккультурации малых этнических групп⁶².

Кроме того, важное методологическое значение для нас имеют работы ведущих российских этнографов, в первую очередь В.А. Тишкова и С.А. Арутюнова.

По мнению В. А. Тишкова, ключевую роль в конструировании этничности и мобилизации членов этнической группы на коллективные действия играют политические лидеры, преследующие политические цели⁶³. Данное положение имеет прямое отношение к выходцам из Прибалтики, поскольку нельзя недооценивать роль национальных партийных секций в хозяйственном и куль-

⁶² Эпштейн А. Репатриация и интифада // Вестник ЕАР (Еврейское агенство в России). Ноябрь 2002. № 3 (68).

⁶³ Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С.106-107.

турном строительстве и политическом воспитании в латышских, латгальских, литовских и эстонских колониях в Сибири.

С.А. Арутюнов считал, что для эффективного выполнения своих адаптивных функций культура должна быть способной нести в себе необходимые потенции для достижения адаптивного эффекта в новых, порой резко изменяющихся условиях⁶⁴. В качестве такой потенции в условиях общественных трансформаций в советской Сибири в 1920-х – 1930-х годах можно назвать стремление прибалтийских национальных групп к сохранению своей этнической специфики в сфере образования, культурной жизни, а также религиозных особенностей (главным образом у латгальцев и сету).

Методический уровень методологии предполагает выделение способов, операций и процедур достижения целей и задач диссертации.

Специфика конкретно-исторического исследования этносоциальной адаптации прибалтийских национальных групп повлекла за собой необходимость совмещения методов исторической, политической и социологической науки. В работе используются методы исторического описания и конкретного анализа, а также структурно-функциональный и проблемно-хронологический методы.

Методы исторического описания и конкретного анализа в диссертации использовались при решении всех поставленных задач. Их применение дало возможность диссертанту последовательно двигаться от генезиса к развитию изучаемых процессов, выявить общее и особенное в процессах адаптации прибалтийских национальных групп.

Структурно-функциональный метод применим при изучении организации деятельности национальных политических и культурно-просветительных организаций. С его помощью оказалось возможным проследить необходимость возникновения различных структур и определить выполняемые ими функции.

Проблемно-хронологический метод позволил распределить изучаемый материал в соответствии с решаемыми задачами, определить этапы развития исторических процессов.

Для более глубокой проработки поставленных в исследовании задач использовался метод анализа статистических материалов. Он, в частности, применялся при изучении динамики экономического развития прибалтийской сибирской деревни в 1920-х – 1930-х гг.

Научная новизна и теоретическая значимость настоящего исследования заключается в следующем:

- установлены основные этапы миграций прибалтийского крестьянства в Сибирь в конце XIX – начале XX вв. и проанализированы процессы оформления организационных структур среди балтийских поселенцев.

- доказано, что причины, ход и последствия оптационной кампании 1920-1923 гг. были обусловлены не только политическими, но также экономическими и культурными условиями, существовавшими в Сибири и прибалтийских государствах.

⁶⁴ Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. С.152-153.

- выявлена специфика становления и развития народного образования и формирование сети культурно-просветительных учреждений в прибалтийской сибирской деревне в 1926-1940 гг. С одной стороны, уровень грамотности в большинстве прибалтийских колоний был в целом выше, чем в окружающих русских деревнях, а с другой – в течение почти всего рассматриваемого периода наблюдалась тенденция культурного обособления выходцев из Прибалтики от других народов и национальных групп Сибири.

- охарактеризованы проблемы адаптации традиционного хозяйства и материальной культуры к природно-климатическим условиям и иноэтничному окружению. Изучены вопросы развития национальных языков и языковой адаптации переселенцев в иноязыковой среде в условиях дисперсного проживания в преобладающей массе русского населения.

- установлены закономерности развития субэтнических групп латгалцев и сету, которые, с одной стороны, отличались достаточно консервативными чертами хозяйства и духовной культуры, а с другой – их языковое и культурное своеобразие и отличие соответственно от латышей и эстонцев ускоряли процесс сближения с окружающим русским населением.

И, наконец, в отличие от отечественных и прибалтийских исследователей (М.Н. Колоткина, Ю. Вийкберга, В. Маамяги и др.) автор установил, что приобщение прибалтийских национальных групп к советским социокультурным ценностям проходило не только форсированными темпами в результате коллективизации и политических репрессий конца 1930-х годов. По нашему мнению, это был длительный процесс, происходивший на протяжении всего рассматриваемого периода, который к концу 1930-х годов уже вошел в завершающую фазу.

Практическая значимость работы. Фактический материал диссертации может быть полезен при подготовке крупных обобщающих трудов по истории Сибири, в создании энциклопедических изданий, освещающих проблемы межнациональных отношений в России. Результаты исследования могут послужить основой для разработки специальных курсов для студентов вузов. Также использованный в диссертации материал может быть востребован в научной работе, использован для разработки учебных и методических пособий.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных исторических источников и исследовательской литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность темы, дается общая характеристика степени ее изученности, определяются объект, предмет, научная новизна и практическая значимость исследования, представлен анализ источниковой базы диссертации.

Первая глава «Формирование прибалтийских национальных групп в Сибири и образование организационных политических структур среди переселенцев из Прибалтики» содержит два параграфа.

В *первом параграфе* дается краткий исторический обзор образования первых прибалтийских колоний в Сибири, расселения колонистов и динамики их численности до 1917 года.

Первой лютеранской колонией в Сибири стала деревня Рыжково, основанная в начале XIX в. в Пановской волости Тюкалинского уезда Тобольской губернии.

К сожалению, до сих пор точно не установлены ни дата основания колонии, ни национальность ее первых поселенцев. На наш взгляд, первую лютеранскую колонию в Западной Сибири основали ссыльные видземцы - участники Каугурского восстания 1802 г. Позже в Пановскую волость прибыли ингерманландцы из Ямбургского уезда Санкт-Петербургской губернии. В 1845 г. по указу царя Николая I все ссыльные лютеранского происхождения должны были переселиться в Рыжково и впредь селиться только в этой деревне, хотя до указа лютеране приписывались к Рыжковской колонии добровольно.

Однако население Рыжково постоянно пополнялось. По одним данным, в 1846 г. там жили 900, а в 1859 г. 1653 человека⁶⁵, а по другим - в 1859 г. в колонии проживало 1300 жителей, и ежегодный прирост составлял 50-60 человек⁶⁶. При таком перенаселении колонистам не хватало не только земли, но и необходимого инвентаря, а также рабочего скота и лошадей. Кроме того, ссыльные разных национальностей не уживались друг с другом.

Поэтому в 1861 г. часть ссыльнопоселенцев была отправлена на новое место жительства, в Еланскую волость Тюкалинского уезда Тобольской губернии, где возникло 4 поселения – Ревель, Рига, Гельсингфорс и Нарва.

Появились в Еланской колонии и ссыльные. Это были в большинстве своем эстонские крестьяне, участники антикрепостнических выступлений 1858 г. Наибольшим размахом и ожесточенностью отличалось выступление крестьян в местечке Махтра в Северной Эстонии. Для его подавления правительство направило крупные воинские части. По распоряжению царя Александра II участники восстания были преданы военному суду и направлены на поселение в Сибирь.

В 1840-1850-х гг. возникли эстонские и латышские поселения и в Восточной Сибири: в Минусинском уезде Енисейской губернии были основаны деревни Верхний Суэдук, Верхняя Буланка и Нижняя Буланка. Так же, как и в Рыжково, представители разных национальностей (ссылаемые властями административные и уголовные ссыльные) здесь не ладили между собой. При этом часть ссыльных отправлялась на заработки на золотые прииски, часть нанималась в качестве ремесленников, часть просто бродяжничала.

В 1880-1890-х гг. начался этап добровольного переселения крестьян в Сибирь.

⁶⁵ Колесников А.Д. О национальном составе населения Омской области... С.100; Вуйкберг Ю. Эстонские языковые островки в Сибири... Таллин, 1986. С.4.

⁶⁶ ГАОО. Ф.3. Оп.3. Д.4936. Л.138.

В 1896-1897 гг. переселенческое движение из Латвии в Сибирь достигло своего апогея. В 1897 г. в России возникло 73 латышских колонии, (а всего за период с 1890 по 1899 гг. в России было образовано латышами 189 колоний, из которых 126 (66,7%) были в Сибири.

Переселялись в Сибирь в эти годы и латгальские крестьяне. В конце XIX в. в районах Минусинска, Красноярска, Томска, Барабинска и Ачинска возникло немало колоний, основанных переселенцами из Латгалии. В 1896-1900 гг. через Челябинск в Сибирь проследовало более 43 тыс. поселенцев и ходоков из Витебской губернии, многие из которых были из Латгалии.

Активно шел процесс переселения и из Эстонии. В 1895-1900 гг. в России было основано 23 эстонских деревни, а в 1899 г. эстонцы дошли до побережья Тихого океана, где образовалась деревня Новая Ливония (Liivküla).

Столыпинский указ от 9 ноября 1906 г., разрешавший выход крестьян из общины, придал новый импульс добровольному переселению в Сибирь. Хотя Прибалтийский край относился к старым районам хуторского расселения, переселение из Прибалтики в Сибирь в 1907-1909 гг. значительно возросло. А. Ниголь выделяет 1907-1909 гг. в особый этап. По его словам, именно в это время после прихода к власти реакции, карательных экспедиций и дальнейшего перераспределения земли в Эстонии в пользу немцев, народ окончательно потерял надежду на обретение «земли и воли» на родине, и началось массовое переселение в Вологодскую губернию и в Сибирь⁶⁷.

Действительно, в эти три года в Западной Сибири возникли крупные эстонские колонии. В Тобольской губернии в 1907 г. появились деревни Березовка (Kaseküla), Розенталь и Нарва, в 1908 г. - Семеново и поселок Калачевский, в 1909 г. - Васюган, Арукюла и Высокогривенск. В Томской губернии в 1907 г. было основано село Медодат, в 1908 г. - Вамбола, Койдула, Мальково, Будово и др. Всего же в России в первое десятилетие XX в. возникло 75 эстонских колоний, 44 из которых (58,7%) было в Сибири.

Кроме того, в 1900-1909 гг. в России возникло 102 латышских колонии, из которых 39 (38,2%) было в Сибири. Самой крупной из вновь образованных поселений была Латышская деревня (Latviešu ciems) в Томской губернии.

Крестьянство Литвы, которая в конце XIX века включала Ковенскую губернию, три уезда Виленской, пять уездов находившейся в подчинении варшавского генерал-губернатора Сувалкской, а также небольшую часть Курляндской и Гродненской губерний, также испытывало трудности с землей. По этой причине за 1868 - 1915 гг. из Литвы эмигрировало около четверти населения. Характерной особенностью проживания литовцев в Сибири являлось их преимущественное оседание в городах.

В 1910-1914 гг. несмотря на возникновение новых прибалтийских поселений в Сибири увеличился удельный вес обратного переселения. В указанный период из Прибалтийских губерний в Сибирь прибыло 4274 человека, а обратно уехали 1248 человек, что составило 29,2% от числа всех прибывших. Переселенческое движение в этот период идет на убыль. Основной причиной, за-

⁶⁷ Nigol A. Eesti asundused...11 lk.

ставлявшей прибалтийских переселенцев покидать Сибирь, была неразвитая инфраструктура края, удаленность переселенческих участков от крупных населенных пунктов.

В ходе Первой мировой войны в Сибирь из Прибалтийских губерний стали прибывать беженцы. Так, по данным А. Спреслиса, в 1916 г. во внутренних губерниях России насчитывалось 492954 беженца из Латвии. Из них в Сибири и на Дальнем Востоке находилось 3208 беженцев, что составляло 0,65% от их общего числа⁶⁸.

Таким образом, в 1802-1917 гг. в Западной Сибири в основном сложился массив прибалтийских колоний. Он складывался за счет уголовной и политической ссылки, добровольного крестьянского переселения в Сибирь и в меньшей степени за счет иммиграции беженцев первой мировой войны. В общей сложности в 1917 г. в Сибири находилось 73-74 тыс. ссыльных, беженцев и переселенцев из Латвии, что составляло примерно 8,4% от общего числа латышей, находившихся в России за пределами основной этнической территории. Из 415 латышских колоний, возникших в России в 1850 - 1917 гг., в Сибири было основано 186, что составляло 44,8%. Что же касается эстонцев, то всего в 1860 - 1917 гг. из 231 колонии с указанным годом основания в Сибири за данный период возникло 73 (31,6%).

Второй параграф посвящен характеристике процесса формирования организационных структур среди балтийских поселенцев в Сибири.

Материалы параграфа позволили прийти к следующим выводам.

1. Создание латышских социал-демократических групп при сибирских организациях РСДРП ни в коей мере не носило отпечатка федерализма и национального сепаратизма. Ни одна латышская группа не выдвигала претензий на экстерриториальность и национальную замкнутость. Все подобные группы считали себя подчиненными местным комитетам, безукоризненно выполняли решения местных организаций. Они прочно стояли на интернационалистских позициях, никогда не отгораживались от социал-демократов других национальностей, зачастую включая в свои ряды и русских большевиков.

2. После февральской революции 1917 г. большинство национальных групп балтийских поселенцев первоначально не имели четко выраженной политической позиции. Во многом это было связано с тем, что на первое место выдвигались вопросы, связанные с национальным самоопределением народов Прибалтики, по которым программы всех социалистических партий в основном совпадали.

3. После победы Октябрьской революции резко возросла численность национальных групп и секций РКП(б) из балтийских поселенцев. Однако развернуть активную пропагандистскую работу среди населения в первой половине 1918 г. эти группы не успели, поскольку в результате белочешского мятежа и выступления внутренней контрреволюции советская власть в Сибири в мае-июне 1918 г. была свергнута. Как следствие, работа с прибалтийскими диаспорами была отдана на откуп буржуазно-националистическим организациям -

⁶⁸ Spreslis A. Latviešu sarkangvardi cīņā par padomju varu...23.-29. lpp.

«Сибирскому литовскому национальному совету», «Эстонскому национальному совету», «Сибирскому латышскому национальному совету» и др.

4. В условиях шовинистической политики в национальном вопросе сначала Временного сибирского правительства, а затем колчаковской диктатуры политическая деятельность прибалтийских национальных объединений становилась фикцией, а принимавшиеся ими решения были очень далеки как от практических нужд сибирских латышей, литовцев и эстонцев, так и от политических и экономических реалий Сибири 1918-1919 гг. Следствием этого стало массовое участие прибалтийского населения Сибири в подпольном и партизанском движении.

5. После восстановления советской власти в Сибири была воссоздана сеть национальных секций РКП(б). В то же время в середине 1920-х гг. наметилась тенденция перетока прибалтийских партийных кадров из деревни в город, что зачастую приводило к разграничению партийной и комсомольской работы по линии «город - село», а также к консервации в прибалтийских колониях мелкобуржуазных, а иногда и антисоветских настроений.

В целом прибалтийские национальные организации в Сибири независимо от их политической ориентации занимались как агитационно-пропагандистской, так и культурно-просветительной работой среди населения. В то время они в какой-то степени играли роль центров, объединяющих людей одной национальности.

Вторая глава «Участие выходцев из Балтии в оптационной кампании и восстановлении социально-экономического потенциала Сибири (1920-1925 гг.)» состоит из двух параграфов.

В *первом параграфе* анализируются изменения в политических установках прибалтийского населения Сибири, связанные с оптационной кампанией 1920-1923 гг.

В 1920 г. в отношениях России с балтийскими государствами наметилось новое важное направление. Подписание мирных договоров с правительствами этих стран дало возможность вернуться на родину десяткам тысяч бывших военнопленных и беженцев империалистической войны. Согласно статьям этих договоров, проживавшие на территории Советской республики лица эстонского, латышского и литовского происхождения получили право выбора гражданства (оптации) этих государств.

В Россию прибыли, получив разрешение, официальные представители буржуазных государств, которые повели агитацию, направленную на массовый выезд трудящихся в Прибалтику. Методы были самые разнообразные, но основная ставка делалась на разжигание националистических настроений. В листовках и воззваниях оптационных комиссий, прибывших в Сибирь, печатались многочисленные призывы «проявить патриотизм» и вернуться на родину.

Перед десятками тысяч людей стояла нелегкая проблема: остаться ли в Советской России или вернуться в родные места. При этом сложном выборе приходилось считаться не только с политическими симпатиями: у многих в Прибалтике остались родные и близкие, нуждавшиеся в помощи. Кроме того,

часть эвакуированных рабочих и демобилизованных красноармейцев испытывала большие трудности с устройством на работу в городах из-за безработицы, порожденной хозяйственной разрухой.

Уже в 1921 г. оптационная кампания пошла на убыль, чему во многом способствовали поступающие из Прибалтики сообщения о незавидном положении вернувшихся. Большинству из вернувшихся на родину оптантов оставалось либо пополнять ряды городских безработных, либо подаваться в батраки к «старым» или «новым» землевладельцам.

В 1922-1923 гг. массовым явлением стало возвращение граждан из Прибалтики (главным образом Латвии) в Россию. Всего в 1920-1923 гг. из Латвии в Россию выехало 15 984 человека. В основном это были добровольные переселенцы и высланные коммунисты.

6 декабря 1922 г. Сибревком огласил постановление, согласно которому граждане, проживавшие в РСФСР до и после 1914 г., приписанные к местностям территорий Польши, Литвы, Латвии и Эстонии, но не желавшие оптировать гражданство данных государств, считались гражданами РСФСР. Наряду с постановлением «О приобретении прав Российского гражданства» 1918 г. этот документ послужил юридической базой для принятия советского гражданства теми оптантами, кто передумал возвращаться в Прибалтику.

В целом, оптационная кампания не достигла цели, которую ставили ее организаторы – полного переселения прибалтийских национальных групп на историческую родину, хотя латышское, эстонское, а особенно литовское население Сибири значительно сократилось. Но «оптационная лихорадка» оказала сильное влияние не только на численность, но и на компактность расселения прибалтийских поселенцев в Сибири. Уже к концу 1920-х годов ни литовцы, ни латыши, ни эстонцы в районах своего компактного проживания в среднем не составляли и 50% от общей численности населения.

Во втором параграфе данной главы анализируются проблемы экономического и политического развития прибалтийских колоний в Сибири в период перехода от «военного коммунизма» к нэпу.

По данным Сибревкома, только ущерб, нанесенный хозяйству Омской губернии в ходе Гражданской войны, оценивался на общую сумму в 1 467 910 294 рубля 98 копеек, а в целом убытки сибирских губерний от послевоенной разрухи составили около 4 миллиардов рублей в довоенных ценах⁶⁹.

Однако, кроме непосредственного влияния войны на хозяйство крестьян западных национальностей были и косвенные причины, которые действовали в период 1914 - 1919 гг. и подготавливали дальнейшее снижение уровня национальной деревни в 1921 - 1922 гг. Это были: а) отсутствие массового сбыта сельскохозяйственных продуктов, затруднения в реализации своего дохода; б) обесценение денег, полученных за сельскохозяйственную продукцию, что не позволяло обновлять основной капитал; в) отсутствие или сильное сокращение продажи сельхозмашин и запчастей к ним, массовым потребителем которых

⁶⁹ Сибирский революционный комитет. Август 1919 – декабрь 1925 гг. Сборник документов и материалов. Новосибирск, 1959. С.119-120.

было немецкое и латышское крестьянство, и связанный с этим усиленный износ оборудования.

На рубеже 1920-1921 гг. крестьянство начало активно выражать свое недовольство экономической политикой советской власти, свертыванием товарно-денежных отношений, рынка, кооперации, попытками навязывания коллективных форм хозяйствования. Социальная политика, порожденная экстремальными условиями Гражданской войны, затрудняла решение сложнейшего вопроса о формах и способах сочетания частнохозяйственного интереса не-пролетарских слоев трудящихся с интересами государственными. В первую очередь возникла потребность в таких формах объединения, которые бы обеспечивали крестьянам сбыт их продукции, кредитование, закупку промышленных товаров. Вместе с тем сбыто-снабженческая и кредитная кооперации создали основу для развития простейших форм производственных кооперативов: различного рода товариществ, сельхозартелей, коммун.

К середине 1920-х гг. прибалтийские поселенцы в Сибири, преодолев тяжелое наследие Гражданской войны – разруху, голод и бандитизм и постепенно втягиваясь в потребительскую и производственную кооперацию, почти восстановили довоенную экономическую мощь своих хозяйств. При этом, несмотря на то, что большая часть выходцев из Прибалтики работали в индивидуальных крестьянских (в основном хуторских) хозяйствах, в восстановительный период в латышских и эстонских деревнях возникают коммуны и сельскохозяйственные артели.

Третья глава «Культурное развитие прибалтийских поселенцев в Сибири в 1920-1925 гг.» состоит из двух параграфов.

Первый параграф посвящен становлению прессы на языках балтийских народов.

Важную роль в формировании советской политической культуры у наций, народностей, этнических и национальных групп Сибири играли газеты и журналы, издававшиеся как на русском, так и на национальных языках.

Но с введением в стране нэпа пресса была переведена на хозрасчет и принцип самоокупаемости. Одновременно отменялось существовавшее до тех пор бесплатное распространение печатных изданий. Как следствие, к середине 1922 г. объем издаваемых в России печатных изданий резко сократился.

Уже с апреля 1921 г. «Siberi Tööline» вместо двух раз выходила только один раз в неделю. А в марте 1922 г. выпуск эстонской и латышской газет был приостановлен.

Сокращение печатных изданий рельефно отобразило слабость многих национальных периодических изданий. Их страницы были заполнены материалами центральной печати и недостаточно учитывали местную специфику. Отсутствовала тесная связь с читателями. Посылавшаяся пресса нередко оседала в губернских и уездных секциях и не доходила до рядового читателя. Имелись случаи, когда часть посланной газетной продукции попадала не по назначению. В ряде местностей Сибири население отказывалось выписывать газеты, опасаясь преследований со стороны противников советской власти.

Но уже к концу восстановительного периода национальная печать стала очень важным средством влияния на прибалтийские колонии и одновременно барометром их состояния. Пресса, созданная в начале 1920-х гг. под патронажем национальных партийных секций, не только была принята прибалтийскими поселенцами, но и стала неотъемлемой частью их духовной культуры. Вокруг газет постепенно сложился круг рабочих и крестьянских корреспондентов, писавших из всех городов и сел Сибири, где проживали выходцы из Прибалтики. Поэтому национальные газеты были не только рупором национальных партийных секций, но и зеркалом прибалтийских поселений. Пресса выступала инициатором многих начинаний, школой развития общественного сознания народа, постоянно расширяя его духовные запросы. Она помогала читателям повышать свой культурный и духовный уровень, давала конкретные рекомендации по целому ряду проблем. Результатом охвата национальной прессой мест компактного проживания переселенцев стала активизация общественно-политической жизни, создание единого информационного пространства для всех латышей и эстонцев, проживавших в СССР и массовое привлечение трудящихся прибалтийских национальностей к советской политической культуре.

Кроме того, национальная пресса до сих пор она является важным источником по этнической истории выходцев из Прибалтики. На страницах прибалтийских газет неоднократно поднимались вопросы борьбы с самогоноварением, освещались межнациональные отношения в сибирской деревне, развитие кооперации и др.

Необходимо отметить, что во многих прибалтийских деревнях жители начали выписывать в этот период не только национальную, но и русскую прессу, что свидетельствовало о начале становления реального двуязычия у прибалтийских национальных групп.

Во втором параграфе данной главы анализируется культурное просвещение балтийских поселенцев в восстановительный период.

Одной из важнейших задач прибалтийских секций РКП(б) и РКСМ стало возрождение сети национальных школ. Уже в 1920 г. в Сибири работала 41 латышская школа, где учились 1625 школьников. 18 школ находилось в Омской губернии, 13 - в Енисейской, 5 — в Томской, 4 — в Алтайской и 1 - в Иркутской. Кроме эстонских школ, возобновивших после Гражданской войны свою деятельность, в 1920 г. были открыты новые школы: в селах Рыжково, Новый Ревель, деревне Власинская Омской губернии и в ряде других населенных пунктов.

Многие латыши и эстонцы, окончившие школу, имели возможность продолжить свое образование в национальных средних специальных учебных заведениях. Кроме латышского и эстонского педагогических техникумов, был открыт также латышский сельскохозяйственный институт в Петрограде, первый набор в который был произведен в декабре 1921 г.

В 1920-1921 учебном году латышские школы в Сибири охватывали 10-12% детей школьного возраста, эстонские – 18-20%. По сравнению с другими национальными и этническими группами это был очень невысокий показатель. Для сравнения: у татар национальные школы в этот период охватывали уже 35-

40% детей, а у немцев – 55-60%, что было самым высоким показателем в Сибири.

Получили широкое распространение латышские и эстонские драматические кружки, которые создавались как в городах, так и в деревнях и на хуторах. Так, в 1920 г. в Сибири работало 30 латышских драмкружков, самым популярным из которых была омская драматическая группа – первый профессиональный латышский театр в Сибири.

В начале восстановительного периода в прибалтийских колониях создавалась и библиотечная сеть. Библиотеки были бесплатными, существовали либо самостоятельно, либо при каких-либо учреждениях, как правило при школах первой ступени, реже – при рабочих клубах. В библиотеках имелись книги как на национальных, так и на русском языках.

Центрами культурно-просветительной работы стали национальные клубы, которые сочетали чисто просветительские и политико-воспитательные аспекты работы, придавая собственно культурному просвещению политический характер. Во многих деревнях при клубах существовали также литературные, хоровые, музыкальные кружки, принимавшие активное участие в организации общесоветских и народных праздников.

В 1924 г. кампания по ликвидации неграмотности у сибирских латышей и эстонцев в ряде регионов Сибири вступила в решающую фазу. К этому моменту латыши и эстонцы достигли значительных успехов в борьбе с неграмотностью и опередили по этому показателю другие так называемые нацменьшинства Сибири. Так, неграмотных среди эстонцев Омского округа было 10% (у латышей этот процент был, вероятно, еще меньше), среди евреев - 22%, среди поляков и немцев-колонистов — 48%, среди украинцев - 65%, татар — 71%, киргизов — 93%. Поэтому из 45 открытых в округе школ ликбеза было 14 татарских, 13 украинских, 11 немецких и только 3 эстонских и 3 латышских.

Отметим, что разнообразие форм работы и дифференцированный подход к различным группам и слоям балтийских поселенцев позволили охватить самые широкие круги. Интенсивная клубная работа и деятельность театральных драматических студий способствовали повышению их общественно-политической активности и расширению кругозора, облегчали ликвидацию национальной отчужденности.

В то же время, идеально вписавшись в модель «сепаратного плюрализма», национально-культурные учреждения несли в себе серьезное противоречие. Приобщая прибалтийских поселенцев к нормам и ценностям советского общества, они, базируясь на национальном языке, объективно затрудняли горизонтальную и вертикальную мобильность колонистов, по большому счету ограничивая возможности их самореализации рамками национальных поселений.

Четвертая глава «Прибалтийские поселенцы в 1926-1940 годах» состоит из пяти параграфов.

Первый параграф посвящен анализу процессов экономического развития прибалтийских колоний в Сибири в 1926-1929 гг. и кооперирования крестьянских хозяйств.

В середине 1920-х годов основными сферами хозяйственной деятельности прибалтийских колонистов в Сибири были земледелие и скотоводство. Большинство хозяйств были хуторскими, а некоторые наиболее зажиточные хозяева сдавали свои хутора в аренду.

В 1926 г. наблюдался заметный подъем хозяйств балтийских поселенцев. Определяющим фактором развития экономики западных нацменьшинств в конце восстановительного периода была механизация сельского хозяйства на единоличной и кооперативной основе, которая внедрялась здесь значительно быстрее и в более широких масштабах по сравнению с русской деревней.

При оценке экономического положения национальных меньшинств отдел национальностей ВЦИК подразделял их в основном на три группы. К первой относились эстонцы, латыши, поляки и некоторые другие народности. Для этой группы были характерны крепкие хозяйственные традиции, сложившиеся в результате их трудовой деятельности. На Всесоюзном совещании уполномоченных по работе среди национальных меньшинств в 1928 г. эту группу оценили как образцовую.

Отметим, что экономический рост происходил исключительно в деревнях, основанных в свое время добровольными переселенцами. В бывших же лютеранских колониях царил экономическая и культурная отсталость.

На фоне достигнутых успехов и нерешенных проблем государственные и партийные органы Сибири стремились придать экономическому развитию национального крестьянства направленный и дифференцированный характер. В ноябре 1927 г. состоялось первое окружное совещание национальных меньшинств Красноярского округа Сибирского края, где была выработана специальная программа, включавшая в себя четыре основных положения:

1. Землеустроительная политика предусматривала доведение размера землепользования хозяйств балтийских поселенцев до среднерайонного уровня.
2. Организация сельскохозяйственных курсов по введению многопольных севооборотов, создание опытных показательных участков.
3. Долгосрочное кредитование хозяйств, осуществляющих выведение продуктивного скота.
4. Дальнейшее развитие простейших сельскохозяйственных кооперативов - животноводческих, семенных и т.д. Создание системы молочной кооперации⁷⁰.

Отметим, что в Сибири уровень кооперирования балтийских народов был одним из самых высоких по региону. К 1927-1928 гг. у них сложилась крепкая система потребительской и сельскохозяйственной кооперации, дополненная кустарно-промысловой системой.

Таким образом, во второй половине 1920-х годов прибалтийская сибирская деревня находилась в процессе экономического роста. Росла товарность хозяйств, применялись сельскохозяйственные машины, внедрялись новые прогрессивные методы земледелия и животноводства. Многие зажиточные хозяева обзавелись тракторами. Развивались различные формы кооперации.

⁷⁰ ГАНО. Ф.1. Оп.2. Д.2422. Л.157.

Однако уравнительное землепользование не могло привести к социальному равенству в деревне, поскольку оно сохраняло товарно-капиталистические отношения. Для выхода советской деревни на более высокий уровень развития было необходимо широкомасштабное становление коллективных хозяйств.

С другой стороны, более экономически развитое население, хуторской тип ведения хозяйства, большой удельный вес кулацкой верхушки, хозяйственный и личный индивидуализм, присущий выходцам из прибалтийских губерний, затрудняли как процесс приобщения сибирских латышей к коллективным формам ведения хозяйства в целом, так и ход коллективизации у данной национальной группы в частности.

Развитие товарно-денежных отношений в прибалтийской деревне и связанное с ним социальное расслоение неизбежно должны были привести не только к экономическому, но и политическому противостоянию между различными социальными группами латышского, латгальского и эстонского крестьянства.

Второй параграф посвящен характеристике социальной ситуации и политической борьбы в прибалтийских колониях Сибири во второй половине 1920-х годов.

Реализация «Декрета о земле» 1917 г. в конечном итоге привела к развитию не социалистических, а капиталистических отношений в сельском хозяйстве, а поскольку самые передовые производственные технологии того времени были сосредоточены в кулацких хозяйствах (они же обладали и наиболее высокой товарностью), то это рано или поздно должно было привести к экономическому, а в перспективе и к политическому доминированию сельской буржуазии.

Подобная тенденция в полном объеме проявилась и в прибалтийской сибирской деревне. И безземельные, и малоземельные крестьяне в большей или меньшей мере подвергались эксплуатации со стороны зажиточной верхушки. Некоторые хозяйства стремились эксплуатировать наемную рабочую силу, не заключая трудового договора.

Таким образом, в сибирских латышских и эстонских поселениях экономический рост во второй половине 1920-х гг. привел к сильному социальному расслоению среди колонистов. Но в то же время процесс развития колоний носил неустойчивый и противоречивый характер. Имелись существенные различия в уровне и темпах экономического и культурного развития прибалтийских поселений и деревень соседнего, главным образом русского, населения, прибалтийских колоний в различных регионах СССР, и, наконец, бывших колоний административных ссыльных и деревень, образованных добровольными переселенцами, в Сибири. При этом зачастую были размыты критерии социальной стратификации – вместо учета степени эксплуатации наемного труда и сельскохозяйственного инвентаря выводы о характере хозяйств поселенцев делались на основе количества земли, скота, применяемой сельскохозяйственной техники и т.д. А эксплуатация труда батраков, значительную часть которых состав-

ляли люди разных национальностей, создавала предпосылки для возникновения не только социальных, но и национальных конфликтов.

Политическая борьба в прибалтийских деревнях в рассматриваемый период действительно протекала в достаточно острой форме, поскольку зажиточное крестьянство, несмотря на свою малочисленность, сумело навязать свою идеологию большинству колонистов.

В заключение данного параграфа автор приходит к выводу, что большинство хозяйств сибирских латышей и эстонцев были не капиталистическими, а мелкотоварными с ограниченным применением наемного труда. Но продолжение нэповской политики неизбежно должно было привести к втягиванию большинства крестьянских хозяйств в рыночные отношения, их дальнейшей социальной дифференциации и, как следствие, развитию капиталистических отношений у переселенцев из Прибалтики.

Третий параграф данной главы характеризует опыт развития локальных субэтнических групп латгальцев и сету Сибири во второй половине 1920-х годов.

Среди латышей и эстонцев, переселившихся в Сибирь в конце XIX – начале XX вв., выделялись субэтнические группы этих прибалтийских народов - латгальцы и сету, сохранившие и в Сибири языковую и культурную специфику.

Латгальцы - потомки древних латгалов, говорящие на верхнелатышском диалекте латышского языка. По мнению А. Путана, латгальское наречие, являясь в корне латышским, отличается однако от последнего многими словами, позаимствованными из русского, польского и литовского языков⁷¹. С древнейших времен латгальцы были тесно связаны со славянскими народами, что нашло отражение во всех сторонах их быта и культуры.

Большинство верующих латгальцев - католики, тогда как большинство верующих латышей – лютеране. Как следствие, иногда в деревнях со смешанным латышско-латгальским населением латгальцы при самоидентификации делали акцент не на этнический, а на конфессиональный признак. Так, в 1930-х гг. латгальцев при вступлении в брак в графе «национальность» очень часто писали «католик». А поскольку Латгале не имеет выхода к Балтийскому морю, остальных переселенцев-латышей в документах латышских партийных секций иногда называли в противовес латгальцам латышами-балтийцами.

Исследуя переселения латышей в другие районы России, в том числе и в Сибирь на рубеже XIX - XX вв., исследователи выделяли латгальские поселения в особую группу. Латгальские колонии существовали в Омском, Красноярском, Ачинском и некоторых других округах, но особенно много латгальцев проживало в Томской губернии, где в 1925 г. из 9 тыс. латышей 7,5 тыс. человек составляли латгальцы и только 1,5 тыс. – латыши-балтийцы.

Латгальские колонии Сибири в середине 1920-х гг. характеризовались экономической и культурной отсталостью. А. Эйсуль отмечал: «Латгальцы существуют за счет скудно обрабатываемых клочков земли, занимаются кустарным промыслом, как-то: бондарством, пилкой теса и пр. Среди таежников-

⁷¹ Путан А.С. Латгальцы и Октябрьская Революция...С.209.

латгальцев найдете немало таких крестьян, которые зачастую не имеют ни молока, ни мяса и питаются весьма и весьма скудно»⁷².

Что же касается культурно-просветительной работы среди латгальского населения, то необходимо отметить, что трудности, связанные с преодолением неграмотности у латгальцев, возникли еще в начале 1920-х гг., когда многие латгальские крестьяне в совершенстве не владели ни русским, ни латышским языком, а для обучения на верхнелатышском диалекте не было ни учебных пособий, ни специалистов.

К концу 1920-х гг. латгальцы, как и латыши-балтийцы (особенно в Томском и Ачинском округах), перешли к хуторской системе землепользования. Более того, эта система стала для них одним из этномаркирующих элементов. Но, с другой стороны, переход латгальцев Сибири к хуторскому типу поселения стал основным тормозом становления у них сельхозартелей.

В Восточной Сибири, кроме эстонцев, поселились также представители субэтнической группы эстонского народа – сету. От остальных эстонцев они отличаются конфессиональной принадлежностью (верующие сету – православные), а также языковым и культурным своеобразием.

Культурная жизнь сету в середине 1920-х гг. затруднялась всеобщей неграмотностью населения. В целом у сету Красноярского округа неграмотность превышала 90%⁷³.

Таким образом, и латгальцы, и сету, будучи по происхождению выходцами из Прибалтики, в языковом и культурном отношении сильно отличались от латышей и эстонцев-балтийцев. Их отличала культурная отсталость (подавляющее большинство латгальцев и сету были неграмотными), связанная с этим повышенная религиозность, закреплявшаяся конфессиональным отличием от лютеран-латышей и эстонцев, а также экономическая стагнация в некоторых колониях латгальцев и сету. Отметим также, что языковые различия между латгальцами и латышами, с одной стороны, и сету и эстонцами-балтийцами - с другой, ускоряли переход представителей этих балтийских субэтносов в Сибири к русскому функциональному моностилизму.

В *четвертом параграфе* освещаются успехи и проблемы коллективизации у прибалтийских национальных групп Сибири.

Всеобщая коллективизация, означавшая переход социалистических преобразований на селе на качественно новый уровень, охватила и прибалтийские деревни Сибири. Но сплошная коллективизация высветила массу проблем, и в первую очередь – неготовность значительной части крестьянских масс к переходу на коллективные формы работы. Причиной левачьих перегибов в сельском хозяйстве было не только давление со стороны крестьянских низов, но и деятельность руководителей вновь образованных колхозов, среди которых было немало и эксплуататорских элементов, которые,

⁷² ЦДНИ ОО. Ф.940. Оп.1. Д.76. Л.19.

⁷³ ЦХИДНИ КК. Ф.10. Оп.1. Д.377. Л.30.

прикрываясь «левой» фразеологией, дискредитировали саму идею колхозного строительства.

Развитие сплошной коллективизации проходило в условиях острой классовой борьбы. Становлению колхозного строя ожесточенно сопротивлялись кулаки. То в одном, то в другом поселении от их рук гибли селькоры и инициаторы колхозного движения, пылали колхозные постройки, уничтожалось общественное имущество.

В сельских советах прибалтийских деревень было немало кулаков и середняков, причем последние при решении политических и хозяйственных вопросов ориентировались на зажиточную часть деревни. При этом под кулацким влиянием нередко оказывались и местные партячейки. Всеми силами эти «советские» работники стремились затормозить процесс коллективизации, а если это не удавалось, то пытались дискредитировать в глазах крестьян колхозное строительство. Жертвами же «советско-кулацких» элементов в основном становились проводники политики партии на селе – учителя, селькоры, колхозные активисты.

Несмотря на высокие темпы коллективизации, к началу 1934 г. в Западно-Сибирском крае вне колхозов находилось 31,8% хозяйств, т.е. почти треть. Таким образом, ни о какой форсированной коллективизации не могло быть и речи. Причиной этого был значительный вес хуторских хозяйств, распространенных в значительной степени и среди западных национальных групп (немцы, латыши и эстонцы). Из 5444 хуторских хозяйств по краю состояло в колхозах 795 хуторов, или 14%. При этом объединенные в колхозы хуторские хозяйства существовали только в четырех из семнадцати районов края - Тайгинском, Томском, Любинском и Боготольском. А остальные районы, включая места компактного проживания латышей, латгальцев и эстонцев (Тарский, Мариинский, Зырянский, Кыштовский, Болотнинский, Кривошеинский), коллективизация вообще не затронула.

Несмотря на трудности организационного периода, уже к началу 1934 г. прибалтийские колхозы в Сибири во многом продемонстрировали преимущества новых форм хозяйствования. Во многом улучшение положения было связано с разрешением иметь в домашнем хозяйстве крупный рогатый скот и поощрением работы на приусадебных участках.

Таким образом, с точки зрения этносоциальной адаптации, коллективизация в прибалтийской сибирской деревне оказалась ключевым звеном в процессе перехода к модели «этнического мультикультурализма», так как даже при существовании национальных колхозов выходцы из Прибалтики оказались втянуты в общегосударственную производственную систему, которая в конкретно-исторических условиях Сибири 1930-х гг. объединяла людей разных национальностей. Однако пока у прибалтийских переселенцев сохранялась хуторская система, говорить о завершении этого перехода было бы преждевременным.

Пятый параграф данной главы посвящен проблемам народного образования и культурного строительства в прибалтийской сибирской деревне в 1926-1940 гг.

1926 год стал во многом переломным в деле становления народного образования у балтийских национальных групп Сибири. После принятия 18 июня 1926 г. декрета Совнаркома РСФСР «По докладу народного комиссариата просвещения о просветительной работе среди национальных меньшинств» в качестве главных задач подъема культурного уровня национального населения было намечено «расширение сети школ первой ступени, увеличение числа дошкольных учреждений, а также укрепление кадрового состава преподавателей»⁷⁴.

Впоследствии при решении этих проблем были достигнуты определенные успехи. Так, исполкомы Советов разработали планы ликвидации неграмотности среди отдельных национальностей с указанием возможных конкретных сроков окончания работы. По Западной Сибири намечалось закончить ликвидацию неграмотности среди «западных» национальностей к октябрю 1931 г., а в Восточной Сибири - к октябрю 1932 г.⁷⁵ Задача была вполне реальной, так как в 1928 г. неграмотность среди взрослого населения, к примеру, у латышей Омского округа составляла всего 20%, а у эстонцев - 15%.

К середине 1930-х гг., несмотря на серьезные проблемы в сфере народного образования и организации культурно-просветительной работы, прибалтийские поселения в Сибири обладали разветвленной сетью национальных школ, культурно-просветительных учреждений (клубы, избы-читальни, библиотеки, кружки и пр.), национальной прессой и сравнительно высоким культурным уровнем населения.

В целом, конечно, квалификация учителей и работников культуры была недостаточной. В процессе поисков только выработывалась методика обучения, не было четких критериев оценки знаний. Вместе с тем важнейшим успехом можно считать то, что к концу 1930-х гг. Сибирь стояла на пороге превращения в край сплошной грамотности, а балтийские поселенцы региона вместе со всеми трудящимися активно приобщались к культурным ценностям.

Значительное место в параграфе уделено также языковой ситуации у балтийских национальных групп. И у латышей, и у эстонцев владение русским языком было четко разграничено как по линии «город - село», так и по степени удаленности прибалтийских поселений от крупных населенных пунктов и основных коммуникаций.

В конце 1920-х - начале 1930-х гг. произошли события, оказавшие существенное влияние на развитие процессов этносоциальной адаптации прибалтийских национальных групп Сибири. Во время реорганизации аппарата ЦК и местных комитетов ВКП(б) национальные секции прекратили свое существование.

В 1937-1939 гг. по стране прокатилась волна репрессий. Под ширмой борьбы против «национального демократизма» было покончено с изданием учебников и художественной литературы. Вынуждены были прекратить свою

⁷⁴ *Культурное строительство в РСФСР. 1917-1927 гг.* Т.1. Ч.2. Документы и материалы. М., 1984. С.23.

⁷⁵ *Колоткин М.Н.* Балтийская диаспора Сибири... С.123.

деятельность латышские и эстонские общественные объединения, а также учебные заведения.

Несомненно, что ликвидация национально-культурных учреждений у балтийских национальных групп явилась сильнейшим культурно-адаптационным механизмом этих групп к конкретно-историческим условиям 1930-х гг.

В Заключении диссертации сформулированы основные тенденции социально-политической, экономической и культурной адаптации прибалтийских национальных групп в Сибири и представлены положения, выносимые на защиту.

В результате решения поставленных в диссертации задач автор пришел к ряду выводов, которые представляет на защиту.

1. В результате добровольных и вынужденных переселений в XIX – начале XX вв. в Сибири сложились национальные группы латышей, литовцев и эстонцев с самобытной материальной и духовной культурой и устойчивым этническим самосознанием. Однако они образовывали лишь совокупность колоний, что изолировало их от окружающего населения. Однако колонии прибалтийских поселенцев сыграли и положительную роль, поскольку способствовали сохранению их этнической и культурной идентичности.

2. Оптационная кампания 1920-1923 гг. не достигла цели, которую ставили ее организаторы, – полного переселения прибалтийских национальных групп на историческую родину, хотя латышское, эстонское, а особенно литовское население Сибири значительно сократилось. Но оптация оказала сильное влияние не только на численность, но и на компактность расселения прибалтийских поселенцев в Сибири. За редким исключением выходцы из Прибалтики уже в первые же годы после оптационного размежевания жили и работали бок о бок с людьми других национальностей, что создавало предпосылки для этносоциальной адаптации представителей данных национальных групп.

В то же время значительная часть прибалтийских колонистов не торопилась покидать Россию. Они вполне адаптировались в новых климатических и социально-экономических условиях, обзавелись крепким хозяйством, а политика нэпа их вполне устраивала. То есть в оптационной кампании существовал, помимо политического, еще и ярко выраженный адаптационный характер.

Т.е. с одной стороны, период оптации гражданства прибалтийских государств стал рубежом окончательного размежевания между теми, кто искал в Сибири временное убежище от социальных катаклизмов, происходивших на этнической родине в 1915-1920 гг., и теми, кто обрел за Уралом «вторую родину» и хотел бы остаться здесь навсегда. С другой стороны, мы можем считать окончание оптации началом социальной интеграции оставшихся в Сибири представителей прибалтийских народов в советский социум.

3. Система культурно-просветительных учреждений, созданная в начале 1920-х гг. под патронажем национальных партийных секций, не только была принята прибалтийскими поселенцами, но и стала неотъемлемой частью их духовной культуры. Именно эстонские и латышские секции РКП(б), а впоследствии ВКП(б), через национальные школы, клубы, газеты и другие культурные

институты сумели вовлечь основную массу переселенцев в процесс социалистического переустройства общества.

4. Несмотря на серьезные хозяйственные успехи, достигнутые прибалтийскими поселенцами в годы нэпа, процесс развития колоний носил неустойчивый и противоречивый характер. Имелись существенные различия в уровне и темпах экономического и культурного развития прибалтийских поселений и деревень соседнего, главным образом русского, населения, прибалтийских колоний в различных регионах СССР, и, наконец, бывших колоний административных ссыльных и деревень, образованных добровольными переселенцами, в Сибири.

Все это объективно затрудняло для советских и партийных органов не только социальную идентификацию хозяйств прибалтийских колонистов, но и выработку стратегии их дальнейшего развития. Автор считает, что большинство хозяйств переселенцев из Прибалтики в годы нэпа носило исключительно мелкотоварный характер.

5. На протяжении всего рассматриваемого нами периода у прибалтийских национальных групп в Сибири существовало две противоположных тенденции. С одной стороны, дисперсное расселение латгальцев, латышей, литовцев и эстонцев и существовавшие языковые и культурные барьеры, отделявшие представителей этих групп от лиц других национальностей, закрепляли у колонистов модель «сепаратного плюрализма». Но набирала силу и другая тенденция – политическое, экономическое и культурное сближение выходцев из Прибалтики с другими народами, чему способствовала проводимая в СССР национальная политика.

В условиях интернационализации этнического состава бывших прибалтийских колоний в результате коллективизации, сопровождаемых увеличением числа национально-смешанных браков и постепенного перехода к русскому функциональному моностилизму в 1937-1938 гг. были ликвидированы большинство латышских и эстонских культурно-просветительных учреждений. Ликвидация же хуторской системы в Сибири в 1940 г. окончательно покончила с относительной изоляцией прибалтийских национальных групп. А вступление прибалтийских государств в состав СССР создало необходимые условия для усиления культурных и родственных связей прибалтийского населения Сибири с соотечественниками, живущими в Прибалтике.

АПРОБАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основные положения диссертации были доложены, обсуждены и получили одобрение представителей научного сообщества:

- на международных научных конференциях: «Демократия и этнополитика» (Рига (Латвия), 1992)), Международной научно-практической конференции «Индустриальные тенденции современной эпохи и гуманитарное образование» (Омск, 1992), VI Европейском психологическом конгрессе (Рим (Италия), 1999)), и конференции «Балтийские архивы за рубежом (Тарту (Эстония), 2006));

- на II Всероссийской научной конференции «Культура и интеллигенция России в эпоху модернизаций (XVIII-XX вв.)» (Омск, 1995), а также на Всероссийских конференциях «Немцы Сибири: история и современность» (Омск, 1995) и «Россия и Восток: археология и этническая история» (Омск, 1997) и др.

Содержание диссертации отражено в следующих основных научных публикациях:

Статьи, опубликованные в ведущих научных журналах, определенных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Лоткин И.В. Исследование прибалтийской диаспоры Сибири российскими и зарубежными учеными // Известия Томского политехнического университета. Томск, 2005. Том 308. № 4. С.207-211 (0,6 п.л.).

2. Лоткин И.В., Свитнев А.Б. Колонии латышей в Западной Сибири (XIX – XX вв.): механизмы формообразования и развития // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. Красноярск, 2005. Вып. 9. С.301-308 (0,4 п.л.).

3. Лоткин И.В. Оптационная кампания и эвакуация граждан прибалтийских государств на историческую родину в начале 1920-х гг. // Вестник Красноярского государственного университета. Красноярск, 2005. № 6. Гуманитарные науки. С.23-28 (0,6 п.л.).

4. Лоткин И.В. Становление прессы на языках балтийских народов в Сибири в 1920-1925 гг. // Омский научный вестник. Омск, 2006. № 2 (35). С.123-128 (0,9 п.л.).

5. Лоткин И.В. Культурное просвещение прибалтийских поселенцев в Сибири в 1920-1925 годах: проблемы и пути их решения // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск, 2008. Вып.34. С.160-171 (1,0 п.л.).

6. Лоткин И.В. Проблемы экономического и политического развития прибалтийских поселений в Сибири в период перехода от «военного коммунизма» к НЭПу // Вестник Поморского государственного университета. Архангельск, 2008. Вып.12. С.67-74 (0,7 п.л.).

7. Лоткин И.В. Проблемы формирования прибалтийских поселений в Сибири в XIX – начале XX вв. // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул, 2009. Вып.4/2. С.118-125 (0,8 п.л.).

8. Лоткин И.В. Социальная ситуация и обострение политической борьбы в прибалтийских колониях Сибири во второй половине 1920-х годов // Вестник Томского государственного университета. История. Томск, 2010. № 2. С.18-31 (0,7 п.л.).

Монографии:

9. Лоткин И.В. Прибалтийские диаспоры в Сибири (1920-1930-е годы): аспекты этносоциальной истории. Омск, 2006. 348 с. (20,1 п.л.).

Статьи и тезисы докладов:

10. Лоткин И.В. Расселение, численность и этнические контакты сибирских прибалтов (по материалам исследования в таежной зоне Новосибирской и Омской областей) // Роль этнографии в идеологической работе и в ускорении социально-экономического развития общества. Омск, 1987. С.146-147 (0,2 п.л.).

11. Лоткин И.В. Некоторые направления современных этнических процессов среди латышей и эстонцев Омской области // Проблемы этнографии и социологии культуры: Тез. докл. Омской областной научной конференции «История, краеведение и музееведение Западной Сибири». Омск, 1988. С.16-17 (0,2 п.л.).

12. Лоткин И.В. Этнические процессы у латышей и эстонцев Омской области // Этнография, антропология и смежные дисциплины: соотношение предмета и методов. М., 1989. С.190-200 (0,5 п.л.).

13. Лоткин И.В. Отражение этнических контактов сибирских латышей и эстонцев в названиях населенных пунктов // Традиции в многонациональном обществе: Тез. докл. Всесоюзной научной конференции. Минск, 1990. С.110-111 (0,2 п.л.).

14. Лоткин И.В. Современные этноязыковые процессы у сибирских латышей и эстонцев // Этнические и социально-культурные процессы у народов СССР: Тез. докл. Всесоюзной научной конференции «Национальные и социально-культурные процессы в СССР». Омск, 1990. Кн. I. С.69-71 (0,2 п.л.).

15. Лоткин И.В. Факторы, влияющие на миграцию жителей национально-смешанных селений юга Западной Сибири // Этническая история и культура народов Советской страны. Омск, 1991. С.69-71 (0,2 п.л.).

16. Лоткин И.В. Национальные установки латышей и эстонцев Западной Сибири // Индустриальные тенденции современной эпохи и гуманитарное образование: Тез. докл. Международной научно-практической конференции. Омск, 1992. Т. I. С.34-36 (0,2 п.л.).

17. Лоткин И.В. Современные этнические процессы у латгальцев и эстонцев Западной Сибири // К новым подходам в отечественной этнологии. Грозный, 1992. С.70 (0,2 п.л.).

18. Лоткин И.В. Этническое самосознание и национальные установки сибирских латышей и эстонцев // *Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis*. 1992. № 10. 61.-70. lpp. (1,1 п.л.).

19. Lotkin I. Siberian Estonians // *Encyclopedia of world cultures. Volume VI. Russia and Eurasia / China*. Boston, Massachusetts, 1992. P. 335-337 (0,4 п.л.).

20. Лоткин И.В. Динамика русско-эстонских браков в Западной Сибири в 1935-1980-х годах // Духовное возрождение России. Омск, 1993. С.140-142 (0,25 п.л.).

21. Лоткин И.В. Данные исторической демографии как источник по истории малых этнических групп Западной Сибири // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории: Тезисы докладов и сообщений региональной научно-методической конференции. Омск, 1993. С.116-117 (0,2 п.л.).

22. Лоткин И.В. Современные этнокультурные процессы в материальной культуре латышей Западной Сибири // Региональные проблемы межнациональных отношений в России. Омск, 1993. С.181-183 (0,2 п.л.).
23. Томилов Н.А., Ахметова Ш.К., Коровушкин Д.Г., Лоткин И.В., Патрушева Г.М., Реммлер В.В. Изучение динамики этнических процессов как необходимое условие прогнозирования и программирования устойчивого развития народов Сибири // Россия и Сибирь: поиск путей устойчивого развития. Новосибирск, 1994. С.1-11 (0,2 п.л.).
24. Лоткин И.В. Бытование традиционной народной одежды у сибирских латышей и эстонцев // Художественное моделирование и народные традиции. Омск, 1995. Ч.1. С.39-41 (0,2 п.л.).
25. Лоткин И.В. Влияние урбанизации на этнические процессы у латышей и эстонцев Западной Сибири в 1960-1980-х годах // Урбанизация и культурная жизнь Сибири: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Омск, 1995. С.218-220 (0,2 п.л.).
26. Лоткин И.В. Возрождение эстонской традиционной культуры в Западной Сибири (проблемы и перспективы) // Культура и интеллигенция России в эпоху модернизаций (XVIII-XX вв.): Материалы II Всерос. науч. конф. Омск, 1995. Т.1. С.261-262 (0,2 п.л.).
27. Лоткин И.В. Национально-смешанные браки сибирских латышей и эстонцев с немцами в 1935-1980-х годах // Немцы Сибири: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции. Омск, 1995. С.74-75 (0,2 п.л.).
28. Лоткин И.В. Современные этнокультурные процессы в сфере материальной культуры западносибирских латышей и эстонцев // Материальная культура народов России. Новосибирск, 1995. С.88-96 (0,5 п.л.).
29. Лоткин И.В. Этническое самосознание сибирских латышей и эстонцев // Народы Сибири и сопредельных территорий. Томск, 1995. С.112-123 (0,8 п.л.).
30. Лоткин И.В. Деятельность общества российских латышей в Западной Сибири // Вестник Омского университета. 1996. Спец. вып. 3. С.19 (0,2 п.л.).
31. Лоткин И.В. Функционирование и развитие латышских и эстонских культурных институтов в Западной Сибири: XIX – первая половина XX в. // Из прошлого Сибири. Новосибирск, 1996. Вып. 2. Ч. 2. С.130-144 (0,8 п.л.).
32. Лоткин И.В. Формирование эстонских поселений на Алтае (к постановке проблемы) // Россия и Восток: археология и этническая история: Материалы IV Международной научной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Омск, 1997. С.188-191 (0,3 п.л.).
33. Лоткин И.В. Переход от монолингвизма к билингвизму как катализатор ассимиляционных процессов у малых этнических групп (на примере сибирских эстонцев) // Вестник Омск. отд. Академии гуманитар. наук. Омск, 1998. № 3. С.79-88 (0,8 п.л.).
34. Лоткин И.В. Современные этнокультурные процессы у балтийских национальных групп Сибири // III Конгресс этнологов и антропологов России. Тезисы докладов. М., 1999. С.187 (0,2 п.л.).

35. Lotkin I. The national orientations of Baltic minorities in the Western Siberia // VI European Congress on Psychology. Rome, 1999. P.828 (0,2 п.л.).

36. Коровушкин Д.Г., Лоткин И.В., Смирнова Т.Б. Приспособление жилищ поздних переселенцев в Западной Сибири к природно-климатическим условиям как фактор этнокультурной адаптации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 2001 г.). Новосибирск, 2001. С.525-528 (0,2 п.л.).

37. Коровушкин Д.Г., Лоткин И.В., Смирнова Т.Б. Неславянские этнодисперсные группы в Западной Сибири: история изучения // Истор. ежегодник. Спец. вып. Посвящ. 60-летию проф. Н.А. Томилова. Омск, 2001. С.119-135 (0,3 п.л.).

38. Коровушкин Д.Г., Лоткин И.В., Смирнова Т.Б. Языковая адаптация неславянских переселенцев в иноэтничной языковой среде Западной Сибири // Проблемы межэтнического взаимодействия народов Сибири. Новосибирск, 2002. С.53-71 (0,3 п.л.).

39. Лоткин И.В. Латышская социал-демократическая рабочая партия и ее роль в организации революции 1905-1907 гг. в Латвии // Первая российская революция и буржуазно-демократический этап развития Российской империи. Омск, 2005. С.123-128 (0,4 п.л.).

40. Лоткин И.В. Материалы по этносоциальной истории сибирских эстонцев в Центре документации новейшей истории Омской области // International Conference on the Baltic Archives Abroad. Tartu, 2006. P.40-41 (0,3 п.л.).

41. Лоткин И.В. Освещение проблем прибалтийских диаспор Сибири в трудах отечественных и зарубежных ученых // VIII Конгресс этнологов и антропологов России. Тезисы докладов. Оренбург, 2009. С.373 (0,1 п.л.).

42. Лоткин И.В. Латыши и латгалцы в Сибири // Историческая энциклопедия Сибири. Т.2. Новосибирск, 2009. С.264-266 (0,4 п.л.).

43. Лоткин И.В. Эстонцы в Сибири // Историческая энциклопедия Сибири. Т.3. Новосибирск, 2009. С.584-586 (0,4 п.л.).

44. Лоткин И.В. Оптация и эмиграция эстонского населения Сибири в 1920 – 1923 гг. – проблема экономического и политического выбора // Rahvusest giigiks. Tallinn, 2010. Lk. 59-64 (0,5 п.л.).

45. Лоткин И.В. Прибалтийские национальные группы Сибири: формирование и проблемы межэтнического взаимодействия в XIX – начале XX вв. // Европейские общины в российской провинции во второй половине XIX – начале XX вв. Барнаул, 2010. С.20-35 (1,0 п.л.).

46. Лоткин И.В. Прибалтийские национальные группы Сибири: проблемы межэтнического взаимодействия // Россия и славянский мир в контексте монополярности: материалы VII международной научной конференции. Часть I. Раздел I. Славянск-на-Кубани, 2010. С.103-109 (0,6 п.л.).